19-го Сентября № 38. 1885.

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
въ Россіи.
Съ доставк. и пересылкой
на годъ. . . . 8 р. —
на 9 мѣсяц. . 6 р. —
на 6 мѣсяц. . 5 р. —
на 3 мѣсяц. . 3 р. —
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
за Границею
на годъ . . . . . 14 руб.
Отдѣльн. нумера по 20 к.
Объявленія печатаются по 15 коп. за строку на послѣдней страницѣ и по 30 коп. на первой.

ГАЗЕТА
ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО
ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

Статьи и требованія адресуются въ ред. СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.
ПОДПИСКА
принимается въ Конторѣ—СПБ. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 6, а также въ книж. маг., Вольфа, Нев., Гостин. дв. № 18. Въ Томскѣ—въ книжномъ магазинѣ Макушина.
Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ Редакціи газеты «Сибирь». Въ Омскѣ—въ книжн. магазинѣ Александрова.

СОДЕРЖАНІЕ: Почтовая гоньба въ Сибири.—Правительственныя распоряженія.—Хроника.—Корреспонденціи: изъ Екатеринбурга, Пишпека, Вѣрнаго, Ялуторовска и Читы.—Крестьянскій земледѣльческій институтъ въ Сибири. (Окончаніе).—Кастера о Сибири. (Продолженіе). *В. И. Вагина.*—Покаявшійся. (Эпизодъ изъ новѣйшей исторіи раскола). *А. С. Пругавина.*—На Амуръ. (Изъ воспоминаній украинца). *О. Л.*—Хроника жизни за недѣлю.—Библіографія: Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій. Его отправка въ Сибирь и пребываніе въ Омскѣ, 1850—1854 гг.

ПОЧТОВАЯ ГОНЬБА ВЪ СИБИРИ.

Въ силу законодательнаго акта 22-го мая 1884 года, распространеннаго и на Сибирь, почтовое дѣло вступаетъ въ новый фазисъ своего существованія. Какъ извѣстно, это законоположеніе, выразившееся въ сліяніи почтоваго вѣдомства съ телеграфнымъ и въ организаціи особыхъ учрежденій, должно было произвести сравнительно большой переворотъ. Переворотъ этотъ тѣмъ болѣе долженъ быть чувствителенъ для почтоваго вѣдомства, что оно всегда считалось однимъ изъ самыхъ отсталыхъ, рутинныхъ, чуждыхъ какихъ либо нововведеній. Надо замѣтить, что въ Сибири переворотъ будетъ еще болѣе замѣтенъ, такъ какъ наша дореформенная страна, въ силу своихъ особыхъ условій, должна была дать своеобразный или, вѣрнѣе, тотъ видъ этого дѣла, который имѣла еще не такъ давно Россія, и который въ настоящее время сохранился только въ нѣкоторыхъ ея захолустныхъ мѣстностяхъ. Въ Сибири нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, здѣсь паровая сила не замѣнила еще традиціонной русской почтовой тройки. На всемъ протяженіи сибирскаго главнаго и побочнаго трактовъ разбросана сѣть почтовыхъ учрежденій, начиная съ губернскихъ и уѣздныхъ почтовыхъ конторъ и кончая простыми станціями, переродившимися изъ прежнихъ столь славныхъ нѣкогда ямовъ. Жизнь этихъ учрежденій дѣлится на двѣ категоріи: къ первой нужно отнести самыя учрежденія съ ихъ чинами, представляющими, такъ сказать, силу почтоваго дѣла de jure, а ко второй —почтаря-ямщика, т. е. почтово-перевозную силу de facto. Та и другая категорія достойны пера, но мы полагаемъ остановить вниманіе читателей на послѣдней, на томъ основаніи, что указанное выше преобразованіе, по закону 1884 года, коснется первой категоріи, слѣдовательно всѣ аномаліи строя и дѣятельности почтовыхъ учрежденій и ихъ чиновъ должны предстать сами собой и заявить о себѣ; почтовый же ямщикъ будетъ попрежнему еще долго влачить свое существованіе внѣ мало-мальски нормальныхъ условій. Онъ-то и заслуживаетъ особыхъ заботъ.

Размѣры газетной статьи не позволяютъ намъ сдѣлать систематическій обзоръ почтоваго дѣла въ Сибири, а потому мы ограничимся только предѣлами возможнаго. Бросивъ взоръ на географическую карту Сибири, вы поражаетесь тѣмъ фактомъ, что населенные пункты ея главнымъ образомъ расположены по тѣмъ линіямъ, которыя идутъ отъ города къ городу, по почтовымъ трактамъ. Вспомнивъ прошлое, вамъ ясно станетъ, что эти пункты есть вольный или невольный продуктъ жизни тракта, что они, ради его, были созданы, и что жизнь и интересы живущихъ здѣсь находятся въ сильной зависимости отъ него. Надо было думать, что съ увеличеніемъ населенія, съ развитіемъ вообще промышленности и торговли въ краѣ, должно было прогрессивно увеличиваться число лицъ, занимающихся почтовой гоньбой; но, къ величайшему нашему удивленію, этихъ выводовъ нельзя сдѣлать на основаніи цифровыхъ данныхъ прошлаго и настоящаго времени. Если вы сравните цифры первыхъ лѣтъ нынѣшняго столѣтія съ данными настоящаго времени, то вы поразитесь той ничтожной разницей, которая представится вашимъ глазамъ *). Подобное положеніе дѣла, явившееся, по всѣмъ даннымъ, результатомъ рутинной дѣятельности почтоваго начальства, порождало все болѣе и болѣе ненормальное положеніе. Почти при томъ же числѣ почтовыхъ паръ гоньба на столько увеличилась, что

*) Для лицъ интересующихся приводимъ нѣкоторыя цифры о почтовой гоньбѣ въ 1807 году въ тогдашней Иркутской губерніи, заимствуя эти данныя изъ рукописи извѣстнаго писателя Лосева. «По московскому тракту отъ Иркутска къ Томской губерніи до Канскаго острога на 33 станціяхъ—по 18, а въ Иркутскѣ 36 лошадей. Отъ Иркутска чрезъ Байкалъ до Верхнеудинска на 44 станціяхъ по 16, а въ Верхнеудинскѣ 20 лошадей. Чрезъ Киренскъ къ Якутску на 8 станціяхъ по 12, а на 72 по 10 лошадей. Отъ Якутска къ Охотску на 2 станціяхъ по 16, а на 14 по 18 лошадей, зимнимъ временемъ на каждой по 10, но въ Якутскѣ 25 лошадей. Въ Охотскѣ лѣтомъ 18, а зимою 15 оленей. Къ Нижнекамчатску чрезъ 20 станцій почта отправляется зимой на собакахъ, коихъ количество неопредѣленно. Отъ Верхнеудинска къ Нерчинску на 27 станціяхъ по 12, а въ Нерчинскѣ 20 лошадей. Отъ Нерчинска до Нерчинскаго же сереброплавильнаго завода на 10 станціяхъ по 10 лошадей. Отъ Верхнеудинска къ Троицкосавской крѣпости на 8 станціяхъ по 16 лошадей. Отъ Нижнекамчатска до острога Верхнекамчатскаго на 9, а далѣе до крѣпости и гавани Петропавловской на 10 станціяхъ—почта отправляется на собакахъ и оленяхъ, коихъ количество неопредѣленно. Отъ Якутска до Вилюйскаго коммиссарства на 15, къ Жиганску на 10, къ Верхоянскому на 9 станціяхъ по 2 пары лошадей (Описаніе Иркутской губерніи, Лосева, § 69).

на каждую пару пришлось держать по 10 лошадей; это увеличило, безспорно, плату въ нѣсколько разъ, отдавая ее въ однѣ руки, и создало непосильный ямщичій трудъ. Увеличившееся населеніе, хотя и обратилось къ другимъ источникамъ дѣятельности, всетаки, не было чуждо желанія имѣть заработокъ отъ ямщины, представляя конкурренцію жаждущихъ и голодныхъ, въ свою очередь, попавшихъ въ руки кулаковъ-міроѣдовъ. Формалистика при полученіи подряда на гоньбу и требованіе обезпеченія во многихъ случаяхъ отстраняли отъ этого заработка обыкновенный трудящійся людъ и отдавали его въ руки людей, видящихъ въ этомъ дѣлѣ одну только наживу. Почтовая гоньба стала предпочтительно отдаваться разнымъ хищникамъ-эксплоататорамъ, въ свою очередь, исполняющимъ подрядъ при посредствѣ тѣхъ же бѣдняковъ—крестьянъ, закабаляя ихъ разными практикуемыми при этомъ способами. Правда, въ исторіи почтовой гоньбы были свѣтлыя явленія, когда начальство приходило къ сознанію необходимости отдавать гоньбу прямо, безъ посредства третьяго лица; это нѣсколько облегчало, но не ставило дѣла въ желанныя рамки: въ первомъ случаѣ почтарь имѣлъ дѣло съ кулакомъ-эксплоататоромъ, во второмъ съ рутиной представителей почтово-казеннаго вѣдомства, знавшихъ только букву договора и не идущихъ никогда далѣе этого. А между тѣмъ, случались непредвидѣнныя обстоятельства, часто буквально раззоряющія контрагентовъ, вслѣдствіе особыхъ условій отношенія казны къ исполнителямъ подрядовъ, и никто не хотѣлъ позаботиться о подобномъ неотрадномъ явленіи въ трудовой народной жизни. Нетрудно убѣдиться въ этомъ, если хоть бѣгло посмотрѣть на дѣятельность почтовой администраціи. Надо замѣтить, что законоположенія и распоряженія мѣстныхъ властей, направленныя къ полному порабощенію почтосодержателей, ставили ихъ всегда въ положеніе кабальныхъ людей. Для поясненія мы постараемся вкратцѣ нарисовать процессъ договора и исполненія его отъ начала до конца.

Прежде чѣмъ кончится срокъ старыхъ контрактовъ съ отбывающими гоньбу, назначаются торги на новые сроки въ полицейскомъ управленіи посредствомъ публикацій въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. На торги эти никто не ѣдетъ, такъ какъ, во-первыхъ, извѣстно что послѣ этихъ торговъ будутъ еще торги въ губернскомъ или областномъ управленіи, а, во-вторыхъ, поѣздка въ городъ, ради ихъ, требуетъ извѣстныхъ расходовъ. Затѣмъ назначаются торги въ губернскомъ правленіи, на эти торги пріѣзжаютъ одинъ, два кулака, съ тѣмъ, чтобы отчасти заявить желаніе, а отчасти поразузнать, поразвѣдать о томъ, нельзя ли какъ повыгоднѣе устроить дѣльце. Цѣны на этихъ торгахъ заявляются всегда высокія. Администрація якобы ужасается превышенія новыхъ цѣнъ противъ существующихъ и начинаетъ принимать рѣшительныя мѣры: издаются строгія предписанія смотрителямъ „о подысканіи понаивыгоднымъ цѣнамъ“ подрядчиковъ, командируются полицейскіе чиновники для „усовѣщиванія“; но тѣ и другіе, весьма понятно, мало заинтересованы въ отыскиваніи дешевыхъ почтарей, такъ какъ первые, при мизерности содержанія отъ казны, всегда получаютъ въ 5 разъ больше отъ почтосодержателей *), а вторые при удачномъ подрядѣ имѣютъ въ виду получить солидную „благодарность“. Этимъ администрація, весьма понятно, не всегда удовлетворяется; въ результатѣ начинается посылка губернскихъ чиновниковъ.

Изъ этихъ лицъ, одни слѣдуютъ по стопамъ смотрителей и полицейскихъ чиновъ, другія представляютъ типъ неподкупныхъ людей, употребляющихъ всѣ мѣры, чтобы удачно исполнить порученіе... Неподкупные въ большинствѣ случаевъ начинаютъ подрядческую травлю, устраиваютъ конкурренцію, пускаются въ разные уговоры, обѣщаютъ такія льготы, за которыя въ будущемъ жутко прійдется почтовому подрядчику и взаключеніе достигаютъ возможно дешевыхъ цѣнъ. Ликуютъ, заключаютъ контракты, а почтарь?..—почтарь, проклиная горькую судьбину, только молитъ Всевышняго, чтобы не было неурожая. Разъ только будетъ неурожай, цѣны на необходимые продукты поднимутся, и тогда грозитъ ему неизбѣжное раззореніе. А къ этому надо присоединить его дальнѣйшія, такъ сказать, узаконенныя мытарства по полученію денегъ. Нужно замѣтить, что для того, чтобы почтаря вѣрнѣе поставить въ зависимость отъ всѣхъ почтовыхъ инстанцій, ему не дано права получать деньги за гоньбу, не получивъ смотрительскаго свидѣтельства въ исправности, съ которымъ долженъ ѣхать въ почтовую контору, тамъ перемѣнить его на конторское и съ этимъ послѣднимъ отправиться въ казначейство, т. е., получая каждый мѣсяцъ деньги, онъ долженъ каждый разъ ѣздить въ городъ, каждый разъ за свидѣтельство платить смотрителю, за перемѣну свидѣтельства въ конторѣ тоже... и т. д.; въ концѣ концовъ остается удивляться только подобному ловкому устройству. А если прибавить къ этому медленность распоряженій изъ губернскихъ и областныхъ правленій, по выдачѣ денегъ, то безотрадное положеніе почтосодержателя станетъ для насъ яснымъ. Это слабыя краски, на самомъ дѣлѣ дѣло еще далеко хуже! Послушайте голосъ народа, и вы узнаете, что никто отъ почтовой гоньбы не богатѣлъ, а раззорившихся отъ нея много... Богатѣютъ только хищники-эксплоататоры, захватившіе въ свои руки цѣлыя станціи и выполняющіе контракты посредствомъ труда закабаленныхъ крестьянъ... Таково печальное положеніе дѣла. Улучшится ли оно при вновь создающихся учрежденіяхъ?.. Боимся предрѣшать и въ данное время считаемъ обязанностью напомнить, что, реформируя учрежденія, не слѣдуетъ забывать мужика-почтаря, такъ какъ настало время подумать поставить почтовую гоньбу на болѣе раціональныя начала. Не задаваясь указаніемъ радикальныхъ мѣръ, мы, согласно мнѣнію компетентныхъ лицъ, считаемъ необходимымъ желать увеличенія на многихъ станціяхъ комплекта лошадей, дабы уничтожить ненормальность содержанія на одну пару 10 лошадей, что вмѣстѣ съ тѣмъ и избавитъ ямщика отъ своего рода ямщичьяго perpetuum mobile, создавшаго ему каторжную жизнь. Для подысканія контрагентовъ рекомендуется употреблять болѣе раціональную мѣру, а именно назначать одни только торги и не за сотни верстъ, а обязательно на мѣстѣ гоньбы, въ присутствіи особой коммиссіи, въ составъ которой должно входить также выборное лицо отъ мѣстнаго общества. Въ видахъ возможности пріобрѣтать своевременно фуражъ, необходимо отмѣнить сроки выдачи денегъ по прошествіи мѣсяца и признать нужнымъ выдавать за извѣстный періодъ впередъ, притомъ безусловно уничтоживъ процедуру полученія свидѣтельства: это тѣмъ болѣе возможно, что обязательство отбыванія гоньбы всегда

*) Отъ казны станціонный смотритель получаетъ 12—14 руб. въ мѣсяцъ, а отъ почтосодержателей той станціи, гдѣ онъ находится, обыкновенно по 7 р. съ пары въ мѣсяцъ и по 3 руб. съ пары на другихъ станціяхъ, въ его вѣдѣніи находящихся; такимъ образомъ онъ получаетъ отъ 50 до 120 руб.

гарантировано особымъ залогомъ или ручательствомъ, а неисправность, часто происходящая отъ безденежья, можетъ быть предотвратима другими мѣрами. Невыдача же денегъ только усугубитъ неисправность. Полученіе денегъ впередъ безъ всякихъ тормозовъ удержитъ почтосодержателя отъ обращенія къ помощи кулаковъ—міроѣдовъ, что, при отсутствіи кредитныхъ учрежденій, сдѣлалось обыденнымъ явленіемъ *); затѣмъ необходимо увеличить жалованье смотрителямъ, дабы избавить почтосодержателей отъ незаконныхъ платежей, столь непосильныхъ и развращающе дѣйствующихъ на самое дѣло почтовой гоньбы. Наконецъ, признавъ за истину, что правительство, желая дешевыхъ контрагентовъ, никогда не желаетъ ничьего раззоренія, необходимо особымъ пунктомъ контракта предусмотрѣть непредвидѣнныя обстоятельства, могущія поставить въ тяжелыя условія почтосодержателей, и въ этихъ случаяхъ правительство обязано приходить къ нимъ на помощь. Для иллюстраціи послѣдняго пункта недурно вспомнить, что по тракту между Верхнеудинскомъ и Читой, въ минувшемъ году, когда заключались контракты, сѣно было отъ 5 до 15 коп. за пудъ, а весной вслѣдствіе неурожая травъ и хлѣбовъ оно поднялось до 1 руб.. Почтосодержатели почти поголовно раззорились. Судите, виновны ли они и должна ли была государственная казна прійдти къ нимъ на помощь.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Исполняющій обязанности главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи увѣдомилъ управляющаго министерствомъ юстиціи, что Государь Императоръ, согласно положенію опекунскаго совѣта учрежденій Императрицы Маріи, 2-го августа сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) комплектъ воспитанницъ въ иркутскомъ сиропитательномъ домѣ Елизаветы Медвѣдниковой установить въ 250, изъ коихъ 150 назначить для воспитанницъ, содержимыхъ на счетъ заведенія или стипендіальныхъ капиталовъ, и 100—для пансіонерокъ; 2) годовую плату за вновь вступающихъ пансіонерокъ и стипендіатокъ опредѣлить въ 210 рублей, и 3) ограничиться, въ настоящее время, введеніемъ въ означенномъ заведеніи только одного общаго учебнаго курса, согласно представленной программѣ, одобренной учебнымъ комитетомъ, состоящимъ при собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

ХРОНИКА.

Тобольскій губернаторъ вошелъ недавно съ ходатайствомъ въ министерство государственныхъ имуществъ объ увеличеніи ежегодно отпускаемыхъ средствъ губернскаго совѣта Тобольской губерніи по дѣламъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Вслѣдствіе этого, какъ сообщаютъ, министръ государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь Островскій, по соглашенію съ министромъ финансовъ, вошелъ съ особымъ по этому предмету представленіемъ въ государственный совѣтъ.

Столичныя газеты сообщаютъ, что министерство путей сообщенія рѣшило отклонить ходатайство ташкентскихъ купцовъ о постройкѣ средне-азіатской дороги и образовать въ Ташкентѣ коммиссію для изученія края между Ташкентомъ и Бурдалукомъ; въ случаѣ, если коммиссія признаетъ нужнымъ построить дорогу отъ Самарканда до Ташкента, то таковая будетъ построена правительствомъ.

Изъ Камышлова, отъ 15-го сентября, телеграфируютъ, что, по случаю окончанія постройки желѣзной дороги отъ Екатеринбурга до Камышлова, было отслужено благодарственное молебствіе, а потомъ былъ обѣдъ городскаго общества. Оффиціальное открытіе дороги послѣдуетъ 1-го октября. Составителю проекта соединенія Камышлова съ Екатеринбургомъ и Тюменью, генералу Богдановичу, городское общество поднесло почетное гражданство и учредило вѣчную стипендію его имени при екатеринбургской классической гимназіи.

Изъ Кяхты, отъ 13-го сентября, сообщаютъ, что въ тамошнемъ краѣ—непрерывные дожди и сильный разливъ рѣкъ. Отправка чаевъ пріостановлена въ Ургѣ. Паденіе курса парализуетъ рынокъ; серебро ямбовое пудъ 1,200 руб., цѣлковые 1 руб. 35 к.; полуимперіаловъ въ спросѣ нѣтъ.

Изъ Ташкента телеграфируютъ, что тамъ 14-го и 15-го сентября происходила осенняя выставка плодовъ, овощей и промышленныхъ растеній, устроенная туркестанскимъ Отдѣломъ россійскаго Общества садоводства.

Оттуда же телеграмма передаетъ, что въ Самаркандѣ устраивается вторая въ тамошнемъ краѣ амбулаторная лѣчебница для приходящихъ туземныхъ женщинъ и дѣтей. Завѣдованіе больницею поручено женщинѣ-врачу.

Нельзя не порадоваться отъ души послѣднему сообщенію.

Въ опроверженіе того извѣстія по поводу бывшихъ въ Семирѣчьѣ землетрясеній, что на 24 число августа въ горахъ близь Пишпека найдены были убитыми скотъ и люди, мы получили новыя свѣдѣнія, опровергающія и категорически указывающія, что этихъ смертныхъ случаевъ въ этомъ мѣстѣ совсѣмъ не было.

Намъ пишутъ изъ Пишпека: «Часовой, рядовой пишпекской команды, Ѳедюковъ, стоявшій на часахъ у казначейства на внутреннемъ посту, взломалъ сундукъ присяжныхъ и вынулъ оттуда 10 рублей, въ чемъ уже и сознался. Говорятъ, этотъ солдатъ раньше не разъ былъ замѣченъ въ воровствѣ».

Изъ Нарына намъ пишутъ, что со стороны населенія слышатся жалобы на китайцевъ за поборы и обремененіе работами. Наши купцы также жалуются на медленность изысканія китайцами долговъ съ ихъ подданныхъ.

Въ Кашгарѣ недавно сдѣлано распоряженіе о непропускѣ туда женщинъ, русскихъ подданныхъ, отправляющихся къ своимъ мужьямъ и роднымъ. Нѣсколько женщинъ уже изгнано.

Въ Нарынѣ, стоящемъ на абсолютной высотѣ 7,100 футовъ, по барометрическому опредѣленію, происходятъ ежедневные ураганы, съ 3-хъ до 5-ти часовъ вечера. Землетрясеніе на 22-е іюля было чувствительно тамъ, но, кромѣ двухъ печей, упавшихъ въ казармѣ, поврежденій особенныхъ не было.

Изъ Семирѣчья намъ сообщаютъ, что для обозрѣнія мѣстности, гдѣ происходило землетрясеніе, въ горахъ Александровскаго хребта, командированъ горный инженеръ Игнатьевъ. Говорятъ, что гдѣ-то въ ущельяхъ съ этихъ поръ появился фонтанъ. Будемъ ждать отъ горнаго инженера результатовъ его изслѣдованій.

«Сибир. Газета» сообщаетъ, что за недѣлю, съ 17-го по 24-е августа, черезъ Томскъ прослѣдовало на пароходахъ 2 переселенческія партіи въ 63 души.

16-го августа, по словамъ той же газеты, опять возвращалась обратно семья съ Амура. Глава семьи, Илларіонъ Халурачъ, объяснилъ, что съ проходнымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ имъ во Владивостокѣ г. Буссе, въ поискахъ за мѣстомъ,

*) Почтосодержатели рѣдко когда получаютъ деньги сами, обыкновенно они даютъ довѣренность на полученіе кулакамъ, забирая у нихъ впередъ деньги подъ неимовѣрные проценты, доходящіе иногда до 30—50.

побывали въ с. Никольскомъ, Ивановскомъ, Борисовскомъ, Покровскомъ, Григорьевскомъ, Каменно-Рыболовскомъ и Ураковскомъ; часть партіи черниговцевъ приписалась къ этимъ селеніямъ, а остальные разбрелись: одни продолжаютъ еще разъискивать мѣста, другіе же, найдя подобно Халурачу, что «лучшія земли заняты, остались только каменистыя мѣста и болота», двинулись обратно на родину.

Что сей сонъ означаетъ? Не объяснитъ ли г. Буссе дѣйствительныя причины подобныхъ столь неотрадныхъ фактовъ? Гдѣ же земли? Какъ согласовать съ этими фактами извѣстія о томъ, что амурское начальство нашло нужнымъ завести въ краѣ крупное землевладѣніе?..

«Kurjer Warszawski» сообщаетъ, что недавно прибыло въ Варшаву изъ Хлевисской гмины, Конскаго уѣзда, Радомской губерніи, 24 крестьянскихъ семейства, состоящихъ изъ 128 человѣкъ, включая сюда и дѣтей, въ числѣ которыхъ находится 18 грудныхъ дѣтей. Крестьяне эти сдѣлались жертвою какихъ-то злонамѣренныхъ лицъ, которыя уговорили ихъ продать все свое имущество и отправиться въ Варшаву, гдѣ будто бы они получатъ деньги на дорогу въ Томскую губернію, а тамъ, въ свою очередь, получатъ средства на обзаведеніе хозяйствомъ, будутъ освобождены отъ податей и надѣлены землею. Крестьяне начали прибывать въ Варшаву партіями въ 2—3 семейства и имѣютъ законные паспорты на выѣздъ въ Имперію. Это, большею частью, люди безземельные или мелкіе усадебники, продавшіе все свое имущество на родинѣ. Крестьяне обратили на себя вниманіе полиціи тѣмъ, что на вокзалѣ тереспольской желѣзной дороги стали разспрашивать, гдѣ это можно получить билетъ для слѣдованія въ Томскую губернію. Всѣ они люди очень бѣдные: только одинъ изъ нихъ располагалъ 30-ю рублями, остальные же имѣли отъ 10 до 15 руб.; многіе изъ нихъ стали заниматься попрошайничествомъ, а женщины жаловались, что имъ нечѣмъ кормить дѣтей. Переселенцы доставлены въ Пражскій участокъ, гдѣ имъ было отведено временное помѣщеніе, впредь до обратнаго отправленія ихъ на родину. Г. оберъ-полицеймейстеръ назначилъ изъ находящихся въ его распоряженіи суммъ нѣкоторое пособіе для продовольствія несчастныхъ. Вслѣдствіе представленія оберъ-полицеймейстера, г. главный начальникъ края циркулярно предложилъ губернаторамъ здѣшняго края не выдавать паспортовъ тѣмъ изъ числа выходцевъ, которые не имѣютъ достаточныхъ средствъ для совершенія далекаго пути.

Свѣдѣнія объ Игнашинской Калифорніи не перестаютъ появляться на страницахъ сибирскихъ газетъ; такъ въ послѣднемъ номерѣ газеты «Сибирь» читаемъ слѣдующія новыя данныя: «Что дѣйствительно оказалось правдой,—это описаніе здѣшнихъ порядковъ. Здѣсь все лежитъ незапертымъ и ничего не пропадаетъ; если изрѣдка и бываютъ кражи, то за нихъ наказываютъ жестоко; такъ, надняхъ одного за кражу куля сухарей наказали 500 ударами розогъ и выслали вонъ съ пріиска. Необходимость заставляетъ прибѣгать къ подобной жестокости, потому что только она удерживаетъ массу находящихся здѣсь бѣглыхъ каторжниковъ въ повиновеніи. Все здѣшнее общество раздѣлено на 5 участковъ и въ каждомъ участкѣ избранъ староста и судья, и вся распорядительная власть централизуется въ рукахъ старшины. Первая инстанція суда по гражданскимъ и маловажнымъ уголовнымъ дѣламъ—участковый судья, вторая—старшина и, наконецъ, третья окончательная—общественный сходъ; всѣ болѣе важныя уголовныя дѣла разрѣшаются окончательно и безаппелляціонно также общественнымъ сходомъ. Порядокъ судопроизводства весьма схожъ съ нашими русскими мировыми и окружными судами и вообще судъ отличается совершенной безпристрастностью. На сходкахъ царитъ полный порядокъ и спокойствіе; пьяный на сходку не допускается. Каждая артель рабочихъ посылаетъ на сходку своего представителя. Въ Игнашинѣ принимаютъ золото по 3 руб. 40 коп. за золотникъ. Количество народа, по причинѣ плохихъ дѣлъ, здѣсь сильно убываетъ. Раньше народа было до 10,000 человѣкъ, а теперь врядъ ли наберется и 3,000».

Немилость на свиней. Въ одно прекрасное время одинъ изъ хабаровскихъ обывателей Ф. былъ опечаленъ извѣстіемъ, что его свинью скушала мѣстная полиція... Пошли разнообразные толки, пересуды, которые, Богъ знаетъ, до чего бы довели, если бы глазамъ обывателей не представилось вездѣ расклеенное полиціймейстеромъ М—вичемъ объявленіе: «Вынужденнымъ нахожусь предупредить гг. обывателей города,—объявляетъ этотъ полисменъ,—что ежели и засимъ не будетъ выполняться приказъ г. начальника области, то лошади и домашнія животныя, за исключеніемъ свиней, будутъ загоняться въ полицейскій дворъ и выдаваемы владѣльцамъ со взысканіемъ штрафа въ пользу городскихъ доходовъ по 1 рублю за каждую голову (55 ст. уст. о наказ., налагаемыхъ мир. суд.); свиньи же будутъ уничтожаемы, съ передачею мяса въ хабаровскія мѣста заключенія, въ пользу арестантовъ. Мая 25-го дня 1885 года».. За что же свиньи въ такую немилость попали? Кажется, прежде съ ними такъ беззаконно не обращались, и свинская порода считалась самой благодушествующей на тамошнихъ окраинахъ... А въ pendant къ этому «Сибирь» передаетъ, что въ Иркутскѣ скотъ, заходящій случайно во дворъ одного военнаго учрежденія, убивается и потребляется въ пищу жильцами этого учрежденія, по приказанію ихъ начальника!!..

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Екатеринбургъ (корреспонд. „Вост. Обозр.“). Недавнее введеніе разныхъ покровительственныхъ пошлинъ, для интересовъ русской промышленности, провинція, между прочимъ, объясняетъ именно тѣмъ, что въ настоящее время совершается переходъ отъ прежней податной системы къ подоходной. Такое объясненіе оправдывается дѣйствительными фактами; въ самомъ дѣлѣ, между введеніемъ пошлинъ на извѣстные предметы заграничнаго привоза, количественно составляющіе большую часть его, и началомъ подоходнаго налога (налогъ раскладочный и трехпроцентный) существуетъ извѣстная связь. Дѣйствительно, если наша промышленность не выдерживаетъ иностранной конкурренціи и если русскіе рынки заполнены иностранными произведеніями, то доходъ собственно нашихъ отечественныхъ предпринимателей, естественное дѣло, долженъ быть ничтожный, стало быть, о подоходномъ налогѣ при такомъ условіи не могло быть и рѣчи; въ такомъ случаѣ вопросъ единственно сводился лишь къ тому, чтобы уравнять въ цѣнѣ и русскія, и иностранныя произведенія и обложить какъ тѣ, такъ и другія одинаковымъ налогомъ, если нужно было измѣнить систему податей. Но разъ фактически сдѣланъ первый шагъ къ подоходному налогу, а уравнять въ цѣнѣ русскія произведенія съ иностранными едва ли можно, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ времени, — то единственнымъ спасеніемъ являются покровительственныя (запретительныя для иностранныхъ товаровъ) пошлины. Введеніе ихъ—фактъ совершившійся,—о немъ распространяться нечего, а слѣдуетъ взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія дальнѣйшаго развитія подоходнаго налога и возможнаго увеличенія его нормы когда нибудь въ будущемъ. Если русскія произведенія, слишкомъ дорогія сравнительно съ иностранными, не будутъ съ теченіемъ времени удешевляться, а величина подоходнаго налога будетъ все возростать, то производство русскихъ промышленниковъ естественно будетъ прогрессивно уменьшаться и, въ концѣ-концевъ, самый доходъ ихъ постепенно будетъ понижаться. Отсюда ясно слѣдуетъ, что, при данномъ условіи существованія пошлинъ и дальнѣйшемъ увеличеніи нормы подоходнаго налога, — цѣль нашихъ промышленниковъ, не говоря уже при этомъ объ интересахъ массы потребителей ихъ произведеній, должна быть направлена къ тому, чтобы удешевить свои

произведенія; того же самаго при всѣхъ приведенныхъ выше условіяхъ будутъ требовать и интересы русскихъ желѣзныхъ дорогъ, построенныхъ, большею частію, при условіи гарантіи правительства. Наши уральскіе горнозаводчики въ фактѣ введенія покровительственныхъ пошлинъ видятъ для себя особую милость, а соображая то обстоятельство, что, съ переходомъ къ подоходному налогу, правительство вынуждено будетъ обратить особенное вниманіе на поддержку и развитіе отечественной промышленности,—они надѣются, что оно само для этого сдѣлаетъ все возможное, а потому ни о какомъ удешевленіи производства на своихъ заводахъ и не помышляютъ. Болѣе всего возлагаютъ надежды на правительство коммерсанты, предпріятія которыхъ подчиняются уже платежу раскладочнаго и трехпроцентнаго сбора. Надежды эти отчасти уже для коммерсантовъ оправдались въ выдачѣ сахаро-торговцамъ преміи за вывозной сахаръ, а сами они не позаботились даже въ наиболѣе торговыхъ центрахъ устроить постоянныя агентства, при посредствѣ которыхъ мѣстные торговцы выписывали бы сахаръ прямо съ завода, отчисляя въ пользу агентовъ извѣстный процентъ съ выписаннаго пуда сахара. Тогда бы можно избѣжать биржевой игры на сахаръ, такъ какъ для того, чтобы сахарозаводчики не затруднялись при такомъ порядкѣ вещей въ разсчетахъ съ рабочими, достаточно частнаго кредита, а русскіе рынки не были бы заполнены сахаромъ, ибо при отсутствіи повышенія цѣнъ его на биржѣ, разумѣется, число потребителей его немедленно бы увеличилось.

Пишпекъ, Семирѣченской области (корресп. „Вост. Обозр.“). Въ дунганскомъ Александровскомъ селеніи розыгралась надняхъ слѣдующая трагическая исторія, окончившаяся смертью одного дунгана. Дѣло было такъ. Два съ лишнимъ года тому назадъ, четыре человѣка дунганъ изъ этого селенія были за что-то судимы и три изъ нихъ, по приговору нашего суда, сосланы въ каторжныя работы, а одинъ приговоренъ въ арестантскія исправительныя роты въ Омскъ на два съ половиною года. Послѣдній, окончивъ назначенный ему срокъ, возвратился обратно въ свое селеніе, но сурово и жестоко встрѣтила и приняла родная деревня своего бывшаго односельчанина. Имуществомъ и женой его завладѣли другіе, онъ сталъ требовать ихъ обратно себѣ, и это послужило началомъ ссоры; далѣе, дунгане, думая, что это—бѣглый съ каторги, предварительно связали его и начали бить безпощадно камнями по ногамъ *). Въ результатѣ получилась страшная картина изуродованія человѣка. На правой голени, по срединѣ ея, оказалась большая рана, откуда виднѣлись концы обѣихъ переломленныхъ костей со многими осколками ихъ, ближе къ стопѣ кости также перебиты. На лѣвой голени кости тоже переломлены въ нѣсколькихъ мѣстахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ положительно искрошены, въ первый же день по поступленіи въ лазаретъ, началась гангрена этой ноги. О какой либо помощи тутъ нечего было и думать, сразу приходилось дѣлать вылущеніе обѣихъ ногъ въ колѣнномъ суставѣ. На пятый день, испытывая и перенося страшныя мученія, больной умеръ. Такого больнаго отправили изъ пишпекскаго пріемнаго покоя въ токмакскій лазаретъ за 58 верстъ. Нечего и говорить, что эвакуировать подобныхъ больныхъ изъ одного лечебнаго учрежденія въ другое и такъ далеко, безъ всякихъ для этого приспособленій, просто безумно и безчеловѣчно. Но подобная безжалостная транспортировка вызвана была слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Пишпекѣ есть аптека и при ней пріемный покой съ кроватями, устроенные для туземцевъ на ихъ же счетъ. А что кровати эти недурныя, хотя онѣ и сдѣланы на деньги инородцевъ, это доказывается тѣмъ, что на нихъ спятъ (только не въ пріемномъ покоѣ, а у себя по домамъ) пишпекскіе чиновники, и жалобъ на неудобство этихъ коекъ, пока, еще не слышно ни отъ кого изъ нихъ. Такимъ образомъ, кое-что для помощи больнымъ инородцамъ уже сдѣлано, но дѣло въ томъ, что уѣздная администрація не отпускаетъ никакихъ средствъ на продовольствіе больныхъ, такъ что всякій туземецъ, который вздумаетъ поступить на излеченіе въ пишпекскій пріемный покой долженъ продовольствовать самъ себя, или же его родные должны о немъ заботиться, а такъ какъ большинство ихъ живетъ далеко отъ города и пріѣзжаетъ сюда только на короткое время, то, очевидно, для нихъ это становится невозможнымъ, а у уѣзднаго врача тоже нѣтъ средствъ кормить всѣхъ больныхъ на свой счетъ. Когда уѣздная администрація додумается, наконецъ, до того, чтобы отпускать средства на продовольствіе хотя бы трудно-больныхъ,—аллахъ вѣдаетъ; мы не говоримъ уже о тѣхъ, которые спятъ на туземныхъ койкахъ—имъ удобно и хорошо, чего же больше!.. Конечно, давно бы, давно пора въ нашихъ уѣздныхъ городахъ устроить хоть небольшія больницы для туземцевъ съ постояннымъ отпускомъ денегъ на ихъ содержаніе. Для этого не такъ много требуется и средствъ. Вѣдь отпускаютъ же въ нашей области цѣлыя тысячи на поддержку и содержаніе казенныхъ садовъ; на разведеніе какого либо десятка жалкихъ тутовыхъ деревьевъ тратятся немалыя деньги и пишутся (не подумайте, что ученые трактаты, сохрани насъ Богъ отъ этого!) громкіе приказы о преуспѣяніи у насъ шелководства. Къ слову сказать, въ нашемъ Семирѣчьѣ всякаго рода агрикультура широко поощряется, а потому всякій старается зарекомендовать себя съ этой стороны, чего и достигаетъ съ успѣхомъ. Безъ сомнѣнія, знаніе и таланты должны быть поощряемы, и это, конечно, хорошо и дѣлаетъ честь поощряющимъ, но нелишне было бы также подумать, кому слѣдуетъ, и о несчастныхъ больныхъ туземцахъ, могущихъ легко очутиться въ положеніи вышеупомянутаго дунгана, и хоть нѣсколько облегчить тяжелыя и невыносимыя страданія не одного десятка людей въ годъ: для этого требуется совсѣмъ немного, всего 20—25 копѣекъ въ день на человѣка, а между тѣмъ правильная организація медицинской помощи туземцамъ была бы для послѣднихъ истиннымъ благодѣяніемъ.

Дѣятельность нашего тюремнаго комитета также прихрамываетъ. Казалось бы, что ни у кого, хотя бы и безсознательно, не хватитъ мужества увеличивать разъ наложенное закономъ наказаніе на тѣхъ, кого русскій народъ зоветъ „несчастненькими“. Но члены нашего тюремнаго комитета въ своей дѣятельности поступаютъ какъ разъ такимъ нежелательнымъ образомъ. Иному арестанту вмѣсто подкандальниковъ выдаютъ подошвы, но послѣднія для такой цѣли негодны, другому же совсѣмъ и подошвъ не даютъ. Одному вмѣсто положенныхъ чирковъ, точно въ насмѣшку, выдали дамскіе ботинки, да и тѣ оказались узкими. Большею же частію, башмаки или чирки выдаютъ узкіе, которые не надѣваются на ноги или же оба приходятся на одну ногу. Вслѣдствіе такой обуви у арестантовъ образуются на ногахъ язвы, большія мозоли, препятствующія свободному хожденію вслѣдствіе сильной ихъ болѣзненности. Поэтому въ дальнѣйшихъ городахъ врачамъ приходится выдавать свидѣтельства на подводу. Но отъ этого, во-первыхъ, большой убытокъ казнѣ, а во-вторыхъ, и арестанты тоже люди: такая обувь причиняетъ имъ боль, да и законъ не лишаетъ ихъ права носить удобную обувь; зачѣмъ же обходить законъ?..

Вѣрный (корреспонд. „Восточн. Обозрѣнія“). Послѣ катастрофы, потрясшей (буквально) селенія въ долинѣ рѣки Чу, хотя до сихъ поръ подземные толчки продолжаются, но о нихъ уже стали гово-

*) У дунганъ особая манера—бить своего противника чѣмъ попало по ногамъ, а за неимѣніемъ какого либо орудія, стараются кусать ему ноги. *Авт.*

рить меньше, и общественное настроеніе успокоилось. Въ настоящее время наше вниманіе привлекаютъ другія явленія, болѣе обыденной жизни. Прошолъ полосою сильный градъ въ одной части Илійской долины. Около тысячи десятинъ хлѣба и клевера пострадало въ селѣ Тургень и дальше по таранчинскимъ деревнямъ вверхъ по Или. Былъ пожаръ, горѣли предгорья около Талгора; сухая трава и много смѣтаннаго сѣна въ горахъ истреблено пожаромъ.

Пищею для пересудовъ и толковъ въ торговомъ мірѣ въ послѣднее время служитъ грандіозная сдѣлка казалинскаго креза Ив—ва съ администраціею по дѣламъ г-жи Клименко. Всѣ заводы и дѣла наслѣдниковъ Кузнецова въ Семирѣченской области переходятъ въ аренду И—ву на 7 лѣтъ, за 150 тысячъ рублей. Онъ становится единственнымъ монополистомъ въ краѣ по винному производству и торговлѣ. Теперь отъ него будетъ зависѣть—дать или не дать Пу—ву и Б—ву лакомые кусочки съ виннаго стола, оставивъ себѣ львиную часть, или предоставить имъ болѣе „невинныя" занятія, оставивъ за собою все винное дѣло. Конкуррировать привознымъ виномъ изъ Семипалатинска немыслимо по двумъ важнымъ причинамъ: во-первыхъ, Семипалатинскъ отстоитъ отъ Вѣрнаго за тысячу верстъ, а, во-вторыхъ, цѣна хлѣба въ Семипалатинскѣ 90 к., здѣсь же 30 коп. за пудъ. Желательно бы знать мнѣніе омскихъ кредиторовъ г-жи Клименко, сколько дохода въ годъ давали здѣшнія дѣла администраціи ея за послѣднее время? Вѣроятно, тысячъ 70—80 было, а теперь будетъ 20. Впрочемъ, уплата долговъ шла крайне скудно и при 80-тысячномъ доходѣ. Администрація за нѣсколько лѣтъ только дважды производила уплату: разъ дала по 7 коп., да другой по 4 коп. на рубль. А платить, вѣроятно, остается еще до милліона. И почему бы администраціи не опубликовать своихъ дѣйствій, дивидендовъ и прочаго? Вѣдь кредиторовъ-то можно сотнями считать. Въ Омскѣ взято было у всѣхъ все, что было только возможно; даже 50-ю рублями не брезговали, забирая ихъ у какой нибудь вдовы, едва существующей пенсіей.

Затѣмъ здѣсь наступило время толковъ о предстоящихъ городскихъ выборахъ, и толки идутъ довольно оживленные. Срокъ смѣны стараго режима наступитъ въ половинѣ ноября, между тѣмъ до сихъ поръ не объявлено избирательныхъ списковъ, которые еще печатаются. Многіе предсказываютъ, что старый голова, а тѣмъ паче секретарь (изъ бывшихъ томскихъ полицейскихъ) не останется; ищущіе земскаго пирога усердно агитируютъ, человѣкъ трехъ сильно мучитъ честолюбіе, какъ и не у насъ однихъ бываетъ это. Составляются партіи, но большинство довольствуется только разными пересудами и никакого особеннаго активнаго участія не принимаетъ. Поэтому, съ этой стороны, прежній порядокъ былъ бы вѣрнѣе въ выборахъ. Но... пусть ихъ! На должность секретаря давно слѣдовало бы выбрать человѣка посвѣжѣе...

Ялуторовскъ (корреспонд. „Восточ. Обозр.") Спѣшу сообщить вамъ объ одномъ изъ „дѣлъ", которое надняхъ разыгралось въ нашемъ округѣ. „Дѣло" это—раззоритъ и пуститъ по міру множество мужицкихъ семействъ. Вотъ въ чемъ оно заключается. Уже съ давнихъ поръ, крестьяне Саламатовской и Шатровской волостей (Ялуторовскаго округа) ведутъ споръ съ крестьянами деревни Антракъ (Шадринскаго уѣзда) изъ-за земли (около $1^1/_2$ тысячи десятинъ лѣсныхъ, сѣнокосныхъ и пахотныхъ угодій). Дѣло доходило до сената. Сенатъ призналъ владѣльцами шатровцовъ и саламатовцовъ, но до сихъ поръ какими-то судьбами владѣли спорною землей антракцы. Сыпались нѣсколько разъ просьбы саламатовцовъ въ ялуторовское полицейское правленіе, которое, въ свою очередь, напоминало рѣшеніе сената шадринскому полицейскому правленію. Но, увы, шатровцы и саламатовцы до сихъ поръ оставались безъ земли. И вотъ выступаетъ на сцену кровавая драма. Саламатовцы и шатровцы въ количествѣ 600 человѣкъ, вооруженные—кто косой, кто дубиной, кто лопатой, кто ружьемъ (было, говорятъ, до 30 ружей), напали на своихъ противниковъ. Произошла битва; говорятъ, оказалось много раненыхъ. Прискакалъ изъ Шадринска урядникъ, саламатовцы забрали и отправили его въ Ялуторовскъ. Прискакалъ становой, и его забрали въ плѣнъ. Явился шадринскій исправникъ, и тому не поздоровилось. Наскакало начальство. „Бунтъ" кое-какъ усмирили. Началось, значитъ, „дѣло". Кто-то будетъ виноватъ? Саламатовскіе и шатровскіе мужики, защищающіе свою собственность, или гг. шадринскіе полицейскіе чины, сидѣвшіе у моря и ждавшіе погоды?

Чита (корресп. „Восточн. Обозр."). Поистинѣ, отъ малыхъ причинъ великія могутъ быть послѣдствія. Для насъ это подтвердилось въ ночь съ 12-го на 13-е іюля. Около 10 ч. вечера, когда небо уже посинѣло и сквозь прорѣхи между облаковъ виднѣлись звѣзды, а мирные жители нашего города, поужинавъ, укладывались спать, когда уже наши неугомонныя собаки забрались на покой подъ сараи, когда, наконецъ, уже пересталъ пугать предполагаемыхъ воровъ выстрѣлами изъ револьвера мясникъ Терентьевъ,—вдругъ наступившая тишина была нарушена сильнымъ и частымъ трезвономъ на нашей соборной колокольнѣ. Всѣ переполошились. Изъ домовъ въ чемъ попало, иные въ одномъ бѣльѣ, повысыпали успувшіе—было обыватели, нѣкоторые полѣзли на крыши, чтобы оттуда узнать истинную причину этого необычайнаго, неурочнаго трезвона. На пожарной каланчѣ сладко вздремнувшій часовой воспрянулъ и, сообразивъ, вѣроятно, что гдѣ нибудь горитъ, ударилъ тревогу. Граждане, слыша, кромѣ церковнаго звона, пожарную тревогу, поняли, что въ церкви пожаръ, и устремились туда, къ собору. Предоставляю читателю воспроизвести въ своемъ воображеніи эту картину!.. По улицамъ вперегонку бѣжали полуодѣтые, запыхавшіеся, испуганные люди и топотомъ своимъ и криками будили спящихъ; къ толпѣ присоединялись проснувшіяся собаки... Все это охало, сопѣло, перекликалось и лаяло... Народъ столпился у церкви и лѣзъ на паперть, гдѣ и получилъ разъясненіе всей тревоги: „Архіерея съ Амура встрѣчаемъ!" Поднялся говоръ, смѣхъ, ропотъ... А изъ переулка во весь духъ несся полицеймейстеръ и шла скорымъ маршемъ сотня казаковъ, посланная изъ лагерей, за 6 верстъ отъ города, изъ деревни Засопки, вѣроятно, принявшая трезвонъ за набатъ.

Все это очень смѣшно. Въ особенности смѣшно то, что когда пріѣхавшій владыка спросилъ у благочиннаго, почему звонятъ такъ поздно, ибо это въ законѣ предусмотрѣно,—тотъ, говроятъ, отвѣтилъ, что таково, дескать, желаніе народа. А между тѣмъ тутъ же изъ толпы кто-то почти въ полномъ déshabilé, всклокоченный и взволнованный, сказалъ: „ваше преосвященство, сумятицы-то сколько надѣлали!"

Мы, съ своей стороны, не можемъ не сказать, что владыка всякаго уваженія достоинъ, но зачѣмъ же наводить панику на мирныхъ обывателей? Чествовать пріѣздъ начальника не возбраняется, но причинять поэтому поводу разстройство людямъ постороннимъ и чуть не нагонять нервную горячку на нихъ—неособенно хорошо.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЙ ИНСТИТУТЪ ВЪ СИБИРИ.

II.

Прежде всего, И. Ѳ. Каменскому предстояла задача раціональнаго выбора мѣстности, гдѣ внѣшнія условія были бы

наиболѣе благопріятны для основанія сельско-хозяйственной школы. Выборъ его палъ на Кузнецкій округъ, что было результатомъ внимательнаго изученія края; подробное описаніе этой мѣстности находимъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, приложенныхъ къ дѣлу объ открытіи школы.

По складу своихъ убѣжденій, И. Ѳ. Каменскій, какъ уже было сказано, никогда не взялся бы за дѣло исключительно съ благотворительною цѣлью; онъ считалъ, что школа должна быть дѣйствительно народною, польза ея и значеніе должны быть признаваемы тѣми, для кого она предназначена, результатъ ея дѣятельности долженъ быть таковъ, чтобы средства, на нее потраченныя, не считались непроизводительнымъ расходомъ, и что само населеніе должно принять участіе какъ въ этихъ расходахъ, такъ и въ организаціи дѣла. Словомъ, онъ оставлялъ за собой роль иниціатора, пропагандиста, участника, но только никакъ не безконтрольнаго собственника и распорядителя дѣла.

Трудность выполненія дѣла, какъ и всегда, не смутила Каменскаго, — онъ самъ отправился по селамъ и весямъ Кузнецкаго округа для выбора мѣста, отвѣчающаго необходимымъ условіямъ. Приэтомъ надо было еще рѣшить два крупныхъ вопроса, во-первыхъ, будетъ ли понята крестьянами выгода и необходимость сельско-хозяйственной школы и, во-вторыхъ, приведетъ ли сознаніе этой выгоды къ добровольному принятію матеріальнаго участія въ постройкѣ и содержаніи такого заведенія?

Если бы Петръ Аміенскій, вмѣсто отпущенія грѣховъ, пообѣщалъ своимъ фанатическимъ слушателямъ только хорошую выдѣлку кожъ, улучшеніе скота, опыты по введенію правильнаго сельскаго хозяйства и подходящее ремесленное и сельско-хозяйственное образованіе дѣтей, да еще потребовалъ бы на все это денегъ, такъ, навѣрно, не имѣлъ бы большаго успѣха, чѣмъ И. Ѳ. Каменскій въ Кузнецкомъ округѣ. Онъ много потратилъ усилій, подготовляя крестьянъ къ воспріятію мысли о школѣ и убѣждая ихъ въ пользѣ устройства этой школы. Онъ чутко прислушивался и присматривался къ тому, какъ относились крестьяне къ его предложенію и какъ понимали они это дѣло; иногда нечаянно слышалъ онъ разсужденія, наводившія его на новыя, важныя соображенія. Но несомнѣнно, что онъ старался всѣми мѣрами пробудить въ крестьянахъ сознаніе пользы школы и добился, наконецъ, надлежащихъ приговоровъ.

Приговоромъ волостнаго схода, состоявшагося изъ выборныхъ отъ каждыхъ десяти дворовъ по одному, 18-го января 1869 года, было дозволено отвести подъ школу двѣсти десятинъ земли *) изъ кабинетскихъ имѣній, въ то же время разрѣшено было обложить четыре волости, втеченіе трехъ лѣтъ, по 90 коп. съ души. Эта сумма, доходившая до 15 тысячъ рублей, вмѣстѣ съ деньгами Каменскаго (10 тысячъ руб.), предназначалась на расходы по постройкѣ и содержанію задуманной школы. 21-го января послѣдовало представленіе мироваго посредника Третьякова, а 8-го февраля того же 1869 года — томскаго губернатора объ основаніи Усть-Сосновской сельско-хозяйственной школы, вмѣстѣ съ приговорами волостей, пожелавшихъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, и съ проектомъ устава школы. Очевидно, дѣло не лежало, на этотъ разъ, подъ традиціоннымъ сукномъ, и въ іюлѣ того же года школа была торжественно открыта, при необычномъ стеченіи публики, состоявшей, конечно, преимущественно изъ крестьянъ-жертвователей.

Школа, какъ видимъ, была обставлена очень удовлетворительно; управляющимъ школою и учителемъ по техническимъ производствамъ, былъ назначенъ М. А. Рыловъ, авторъ извѣстнаго въ технической литературѣ, очень дѣльнаго и практическаго руководства по кожевенному производству, лицо довольно подходящее для подобной народной школы. М. А. Рыловъ, самъ проложившій себѣ дорогу, хотя и не владѣлъ обширнымъ образованіемъ, но былъ прекраснымъ практикомъ. Учителемъ по остальнымъ предметамъ былъ назначенъ г. Меркушевъ, кажется, бывшій ранѣе приходскимъ учителемъ. На первыхъ порахъ педагоги были не съ особенно большимъ образовательнымъ цензомъ и весьма неопытные, но, при недостаткѣ людей, учредитель не могъ найдти лучшихъ. Принимая во вниманіе средства школы, онъ не могъ разсчитывать, конечно, на выписныхъ дорогихъ учителей.

Въ планѣ и программахъ школы, однако, было сосредоточено все, чтобы сдѣлать ее доступной и популярной. Въ качествѣ вольноприходящихъ, принимались члены семействъ крестьянъ-учредителей, перешедшіе за 17-тилѣтній возрастъ, съ извѣстною платою за обученіе ремесламъ (§ 30). Очевидно, что этимъ постановленіемъ школа давала знанія не только тѣмъ, кто слушалъ ея систематическій курсъ, но и непосредственно была полезна для всего населенія, такъ какъ знаніе ремеслъ составляетъ завѣтную, но часто недостижимую цѣль многихъ крестьянъ, для которыхъ оно составило бы важное подспорье въ жизни. Чтобы расширить еще болѣе свою дѣятельность въ этомъ направленіи, школа допускала на правахъ вольноприходящихъ не только дѣтей крестьянъ-учредителей, но и совсѣмъ постороннихъ, только съ платою (§ 31) болѣе высокою за право ученія. Школа обращала особое вниманіе на распространеніе въ окрестномъ населеніи улучшенныхъ способовъ сельскаго хозяйства и съ этою цѣлью уставъ ея (§ 34—40) давалъ широкій доступъ самимъ крестьянамъ-учредителямъ воспользоваться всѣми средствами школы. Они допускались къ наглядному знакомству съ улучшенными способами удобренія, посѣва, обработки земли и проч.; къ ихъ услугамъ были всѣ необходимые чертежи, планы, рисунки съ устными объясненіями для всякаго желающаго. Школа предлагала свое посредничество при выпискѣ земледѣльческихъ машинъ и орудій, если не могла сдѣлать таковыхъ въ своихъ мастерскихъ. Въ депо школы можно было покупать также всевозможныя сѣмена; если же какой либо видъ растеній оказывался особенно полезнымъ, то школа обязывалась выдавать его безвозмездно. Школа пріобрѣтала и распространяла улучшенныя породы лошадей, рогатаго скота и т. д. *). Въ числѣ производствъ, выборъ изученія которыхъ предоставлялся на волю воспитанниковъ, находились: кожевенное, салотопенное, свѣчное, мыловаренное, маслобойное, сыроваренное; ремесленныя мастерскія: кузнечная, слесарная, столярная, токарная, сапожная,—относились къ той же категоріи не обязательно посѣщаемыхъ, но предоставленныхъ выбору питомцевъ (§ 41-й).

*) Позднѣе есть свѣдѣнія (16-го ноября 1871 г.), что школа владѣла 400-ми десятинъ земли для безсрочнаго и безвозмезднаго пользованія.

*) По этому поводу было сдѣлано сношеніе съ учрежденіемъ коннозаводства.

„Устройство хозяйственной части", — какъ говорится въ § 44 устава,—„по всѣмъ отраслямъ техническихъ производствъ школы, какъ-то: наемъ рабочихъ, закупка сырья и другихъ матеріаловъ, сбытъ произведеній и проч., лежитъ на обязанности директора-попечителя, который даетъ въ своихъ дѣйствіяхъ отчетъ волостнымъ сходамъ".

Отсюда видно, какъ далекъ былъ И. Ѳ. Каменскій отъ какихъ бы то ни было поползновеній на роль безконтрольнаго благодѣтеля; онъ отдалъ все подъ надзоръ тѣхъ, для чьихъ нуждъ создана была школа. Безъ сомнѣнія, это хорошо, но... хорошъ былъ § 44-й, пока не нашлось такихъ толкователей его, которые могли зарѣшить участь школы совершенно въ обратномъ смыслѣ.

Ко дню открытія школа была вполнѣ готова; изъ сохранившихся документовъ, видно, какъ заботливо была она обставлена всѣмъ необходимымъ. Кромѣ главнаго зданія, гдѣ помѣщалась собственно школа съ классными комнатами и больницею, были выстроены еще флигеля, скотный дворъ, амбары, пожарный сарай. По техническому отдѣлу—кожевенный заводъ, сушильня, мыловаренный, салотопенный, свѣчной. По устройству сыроварни были сдѣланы сношенія съ Верещагинымъ. Школа имѣла собственную аптеку и баню. Кромѣ зданій, было приготовлено все необходимое для жизни и обученія воспитанниковъ: бѣлье, одежда, различныя земледѣльческія машины; между послѣдними были плуги Эккерта, Горнби, Гено, молотилка съ мельницею, сѣялка; кромѣ того, школа владѣла паровикомъ для варки картофеля, маслобойкой, машиной для стирки бѣлья и мѣсильной. Отсюда видимъ, что школа была обставлена достаточно широко, для выполненія намѣченной цѣли.

Непосредственное участіе самого Каменскаго сказывалось во всемъ, начиная съ постройки школы и кончая мелочами, какъ по ея первоначальному устройству, такъ и по веденію педагогической стороны дѣла. Участіе его было тѣмъ болѣе необходимо, что ему, какъ попечителю, нельзя было, кажется, пожаловаться на обиліе такого педагогическаго персонала, который стоялъ бы на уровнѣ той цѣли и программы, какую поставилъ себѣ Каменскій. Въ день открытія школы (15-го іюля 1869 года) смотрителю ея была передана Каменскимъ замѣтка для руководства по педагогической части, въ которой, послѣ требованія выполненія строгихъ гигіеническихъ условій и заботъ о хорошемъ качествѣ пищи, мы читаемъ, между прочимъ: „Онъ (смотритель) на сколько возможно стремится разнообразить жизнь воспитанниковъ полезными занятіями, играми и проч., развивая способность общежитія, добиваясь между ними добрыхъ отношеній, пріучать къ порядку, чистотѣ и опрятности, и посредствомъ простыхъ разсказовъ и бесѣдъ знакомить съ явленіями, встрѣчающимися въ обыденной жизни, объяснять эти явленія удобопонятнымъ для нихъ языкомъ и, такимъ образомъ, мало-по-малу вводить ихъ въ сферу преподаванія въ послѣдующемъ классѣ."

За этой инструкціей слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ, показывающихъ, какъ горячо Каменскій относился къ своему дѣлу и какъ много ему приходилось дѣлать такой работы, которая при другихъ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ другомъ мѣстѣ и при подготовленныхъ сотрудникахъ, не ложилась бы на него такимъ непосильнымъ бременемъ. Въ этихъ бумагахъ мы видимъ самыя разнообразныя наставленія; тутъ есть разъясненія о томъ, какъ надо вести преподаваніе, выговоры служебному персоналу и указанія на нѣкоторые новые предметы, которые слѣдовало бы ввести въ преподаваніе, по тѣмъ или другимъ причинамъ. Противникъ всякаго рода насильственныхъ мѣръ, въ области педагогіи И. Ѳ. Каменскій не могъ не столкнуться съ сильными затрудненіями на этомъ пути. „Когда учитель раздраженъ—преподаванія нѣтъ!.."—писалъ онъ въ одной изъ своихъ инструкцій, и понятно, что такой взглядъ, можетъ быть, многимъ изъ персонала школы былъ вовсе не по душѣ.

Первое время все благопріятствовало школѣ. Довершивъ съ успѣхомъ дѣло ея основанія, сравнительно прочно организовавъ матеріальные рессурсы, Каменскій, кромѣ того, нашелъ возможнымъ привлечь къ дѣлу и заинтересовать имъ людей, вліяніе и поддержка которыхъ были очень существенны. Сильно помогъ основанію школы г. Третьяковъ, занимавшій въ это время должность мироваго посредника; его содѣйствію школа обязана многимъ втеченіе всего своего кратковременнаго существованія. Существенную поддержку оказывалъ также членъ совѣта главнаго управленія Западной Сибири, г. Солодовниковъ, и мѣстный губернаторъ. Богомоловъ, мѣстный богатый купецъ, считался также въ рядахъ покровителей школы, по крайней мѣрѣ, въ первое время ея существованія. Словомъ, былъ образованъ такой контингентъ лицъ, который позволялъ, безъ особыхъ затрудненій, вести дѣло и не обращать вниманія на подпольные интересы и интриги, которые, понятно, не были чужды этому, какъ и всякому другому новому дѣлу. Болѣе печальные дни школы начались со смертью г. Третьякова, послѣдовавшей въ октябрѣ 1871 г. Его сочувствіе дѣлу школы заставляло молчать разныя мелкія самолюбія всякаго рода кулаковъ, кабатчиковъ, писарей, старшинъ и т. д., словомъ, всего того люда, который достаточно извѣстенъ въ сибирской жизни и который подтачиваетъ крестьянское существованіе и строитъ свои дѣла на раздорахъ.

Мы познакомили только съ началомъ школы и, такъ сказать, планомъ ея, начавшимъ получать реальное примѣненіе. Далѣе, судьба школы была предоставлена исполнителямъ, причемъ отсутствіе организатора во главѣ прекраснаго замысла дало себя почувствовать и было одной изъ причинъ ея паденія. Изъ дѣла видно, что, по передачѣ школы въ вѣдѣніе крестьянскихъ обществъ, иниціаторъ дѣла, Каменскій, удаляется добровольно; это вполнѣ соотвѣтствовало его взглядамъ о необходимой долѣ самостоятельности для крестьянъ-учредителей и о томъ, что прочно только дѣло, непосредственно вытекающее изъ сознательнаго отношенія къ нему крестьянъ. Однако, довѣріе его и примѣненіе этой теоріи въ началѣ къ неокрѣпшему еще дѣлу при общей неподготовленности дало иные результаты и роковымъ образомъ способствовало скорѣйшему упадку его. Поднялись мелкія ссоры и интриги между управленіемъ школы и крестьянскими властями, въ родѣ волостныхъ писарей и старшинъ, къ которымъ примкнули, конечно, кулаки, заинтересованные въ паденіи школы.

Обстоятельствами, ускорившими еще къ тому же кризисъ школы, были съ одной стороны смерть Третьякова, затѣмъ смерть Солодовникова, поддерживавшаго школу своимъ авторитетнымъ вліяніемъ въ оффиціальныхъ сферахъ, полное охлажденіе къ школѣ тогдашняго губернатора и, наконецъ, отказъ И. Ѳ. Каменскаго отъ директорства.

Съ другой стороны, надо указать на рядъ интригъ, направленныхъ противъ школы со стороны деревенскихъ кулаковъ, въ особенности Карманова. Этотъ кулакъ, по ошибкѣ назначенный попечителемъ, давно интриговалъ противъ школы; онъ былъ

поставщикомъ ея,—и остался вдобавокъ у нея въ долгу. Послѣ отъѣзда И. Ѳ. Каменскаго, лицемѣрные попечители и покровители отказались отъ школы, какъ, напримѣръ, богачъ Богомоловъ и Кармановъ, а затѣмъ пошло вспять и робкое крестьянство, которое видѣло въ снятіи обязательства платежа на школу только свои выгоды, значенія же школы оно не понимало *). Въ подстрекательствахъ и содѣйствіи паденію школы принялъ главное руководящее участіе волостной писарь. Роль этихъ волостныхъ писарей, грабящихъ крестьянъ, растлѣвающихъ населеніе до послѣдней степени, слишкомъ хорошо извѣстна въ Сибири. Волостные писаря—это тѣ пружины, чрезъ которыя получаются тысячные доходы съ волостей и взятки засѣдателями и исправниками. Волостной писарь считаетъ себя главой волости и, находясь въ кумовствѣ съ засѣдателями, въ то же время другъ и прислужникъ кулаковъ, онъ ворочаетъ міромъ, подстраиваетъ приговоры и т. д. Вотъ такую-то силу обошла школа.

Писарь прикинулся **) сначала доброжелателемъ, а потомъ подготовилъ ей закрытіе. Послѣдніе дни школы ознаменовываются трагедіей. Писарь приглашаетъ къ себѣ въ гости учителей, которые хотя и находились въ размолвкѣ, но, не желая вызывать открытой вражды, явились къ писарю и, посидѣвъ у него нѣсколько времени, отправились домой. Какъ только они выѣхали изъ деревни, ихъ встрѣтили 12 человѣкъ полупьяныхъ мужиковъ, нанятыхъ писаремъ, и избили несчастныхъ педагоговъ до полусмерти, затѣмъ положили въ сани и направили лошадь къ деревнѣ. Безчувственныхъ и окровавленныхъ приняли ихъ домашніе, послали за волостными, но тѣ и ухомъ не повели. Одному изъ учителей это стоило многихъ лѣтъ болѣзни и жестокихъ страданій. Несчастнаго взялъ на попеченіе Каменскій, вывезъ его въ Россію, и впослѣдствіи онъ лечился въ Крыму.

Взаключеніе вновь назначенный посредникъ явно относился враждебно къ школѣ. Онъ рѣшилъ замѣнить школу приходскимъ училищемъ и не утруждать себя заботами по доставленію содержанія на школу съ крестьянскихъ обществъ ***). Изъ оффиціальныхъ документовъ видно, что 2-го марта тарсминскій волостной старшина увѣдомлялъ, что, по случаю отказа отъ своей должности г-на директора попечителя, И. Ѳ. Каменскаго, на 7-е марта назначается волостной сходъ, гдѣ будетъ представленъ обществу какъ этотъ отказъ, такъ и заявленіе о пріемѣ, во-первыхъ, отчетовъ за 1871—1872 года и, во-вторыхъ, — имущества самой школы. Г. Каменскій предлагалъ выбрать новаго директора-попечителя. Это было послѣднимъ ударомъ школѣ. Словно по сигналу, все кинулось тогда на эту бѣдную школу, какъ воронье, долго ждавшее своей доли изъ лакомаго куска. Всѣ послѣдующія усилія И. Ѳ. Каменскаго спасти дѣло оказались безуспѣшными. Спохватившись, что, вмѣсто дарованія самостоятельности, онъ приноситъ вредъ школѣ, Каменскій въ день схода, 7-го марта, телеграфировалъ мировому посреднику о своемъ желаніи опять остаться въ должности директора, но было уже поздно. Мировой посредникъ, Хаовъ, обязательно увѣдомлялъ управленіе школы, что сходъ постановилъ слѣдующій приговоръ:

„По неимѣнію достаточныхъ средствъ къ поддержкѣ школы, поручить тарсминскому волостному старшинѣ, Боборыкину, вмѣстѣ съ попечителемъ Кармановымъ (братъ бывшаго попечителя), принять школу и все наличное имущество и матеріалы, съ тѣмъ, чтобы пріемъ былъ произведенъ безотлагательно".

Пріемъ школы Кармановыми, изъ которыхъ одинъ былъ ея должникъ, означало, что школа отдавалась въ руки враговъ ея и хищниковъ. Получивъ отъ Хаова предписаніе сдать имущество, управители школы телеграфируютъ Каменскому въ Томскъ, но онъ былъ уже вполнѣ безсиленъ защитить дѣло, на которое убилъ капиталъ и энергію. Участь школы была рѣшена! Вслѣдъ за сдачей школы послѣдовала ликвидація ея имущества, которое захватили общественники, причемъ начался повальный грабежъ, какъ послѣ разсказывали. Инвентарь былъ проданъ съ аукціона съ уступкой 96% со стоимости. Кармановъ и К° не преминули растратить остальное. 6-го октября 1872 г., рапортомъ, за № 1142, былъ увѣдомленъ губернаторъ о закрытіи школы. Лицамъ, ведшимъ ожесточенную борьбу со школой и негодовавшимъ, что она не сразу поддалась имъ, захотѣлось изгладить самое воспоминаніе о школѣ Каменскаго: зданія были уничтожены и школа была срыта съ землею. Подобное срытіе школы было единственнымъ въ своемъ родѣ.

Изъ документовъ, записокъ, телеграммъ Каменскаго и разсказовъ очевидцевъ о послѣднихъ дняхъ школы выплываетъ такая масса фактовъ, бьющихъ своимъ букетомъ, и обнаруживается стеченіе столькихъ противорѣчащихъ другъ другу интересовъ, что, кажется, трудно разобраться и понять, какъ все это уживалось здѣсь. Въ концѣ концовъ намъ ясно рисуется образъ, трагическій контрастъ безкорыстнаго предпринимателя, идеалиста и реформатора и просвѣтителя темной массы, которая, инстинктивно чуткая къ правдѣ, сначала быстро идетъ за вождемъ, потомъ также быстро охладѣваетъ и отступаетъ; рядомъ же мы видимъ цѣлую клику мелкихъ, гадкихъ и своекорыстныхъ людишекъ, которые и доселѣ подрываютъ крестьянскую жизнь.

Нѣсколько лѣтъ спустя, мы ѣхали по этому же тракту и были въ с. Усть-Сосновскомъ. Мы встрѣтили тамъ тотъ же міръ безграмотства и міръ кулаковъ. Та же бѣдность точила жизнь крестьянина; среди богатой природы, попрежнему онъ нищенствовалъ. Не осталось никакихъ воспоминаній, никакихъ слѣдовъ, что кто-то являлся сюда, чтобы подать руку несчастному, что было указано даже средство спасенія. Русскій и сибирскій крестьянинъ, къ усугубленію своего несчастнаго положенія, представляетъ слѣпца, не распознающаго даже друзей и отталкивающаго руку, готовую спасти его.

Два года тому назадъ И. Ѳ. Каменскій умеръ. Мечты его жизни разсѣялись, энергія была разбита. Теперь, когда мы вновь читаемъ статьи и проповѣди о необходимости помочь народу сельско-хозяйственнымъ и техническимъ образованіемъ, мы невольно задаемся вопросомъ: погибло ли дѣло этого симпатичнаго и оригинальнаго ума, забудетъ ли Сибирь смѣлую попытку И. Ѳ. Каменскаго создать разумный трудъ крестьянину, обогатить его научнымъ знаніемъ? Исчезнетъ ли эта идея навсегда, или когда нибудь воспрянетъ, при болѣе счастливыхъ условіяхъ?

---

*) Изъ записокъ и мемуаровъ, у насъ имѣющихся, можно заключить, что, кромѣ желательныхъ убѣжденій, мировой посредникъ Третьяковъ началъ употреблять и способы понужденія, такъ что крестьяне замѣчали какое-то вмѣшательство и насиліе, которое и предубѣждало ихъ противъ школы.

**) О роли и поведеніи писаря и земской полиціи съ посредникомъ у насъ находится особая записка современника.

***) Впослѣдствіи были сдѣланы огромные поборы на дома для сельскихъ школъ, въ которыхъ шло самое жалкое преподаваніе для виду. Крестьяне платили тысячи, но уже не добровольно, и приговора отъ нихъ не требовалось.

КАСТЕРА О СИБИРИ *).

(Продолженіе).

Гораздо любопытнѣе извѣстія о дипломатическихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ и Японіей.

Въ 1774 году тургуты (калмыки), кочевавшіе на берегахъ Волги, удалились въ китайскія владѣнія. Причиной ихъ отпаденія отъ насъ было, по словамъ Кастера, дурное обращеніе нашего начальства съ ханомъ и его вельможами. „Екатерина,—говоритъ онъ,—потребовала отъ богдыхана возвращенія тургутовъ. Онъ отвѣчалъ, что не будетъ ни такимъ несправедливымъ государемъ, чтобы выдать своихъ подданныхъ иностранцамъ, ни такимъ жестокимъ отцомъ, чтобы прогнать дѣтей, которые возвратились въ свое семейство; что о намѣреніи тургутовъ онъ узналъ только по приходѣ ихъ, и тотчасъ поспѣшилъ возвратить имъ жилища, которыя всегда имъ принадлежали, и что императрица должна жаловаться не на тургутовъ, а на офицера, который позволилъ себѣ дать пощечину ихъ хану и бить батогами его министровъ“ (II, 138).

Затѣмъ, описывая, подъ 1784 годомъ, торговыя сношенія съ азіатскими государствами, и въ частности съ Персіей, Кастера говоритъ: „Торговля русскихъ съ Китаемъ была выгодна не менѣе торговли на Каспійскомъ морѣ. Уже около 130 лѣтъ, съ 1653 года, русскіе отправляли торговые караваны чрезъ китайскій Туркестанъ въ Пекинъ. Караваны употребляли на это путешествіе три года, включая сюда пребываніе въ Пекинѣ и обратный путь. Они привозили мѣха, и получали въ обмѣнъ золото, серебро, драгоцѣнные камни, матеріи, чай и всѣ предметы, изобрѣтенные китайцами и доведенные до совершенства ихъ причудливымъ воображеніемъ. Величайшій изъ извѣстныхъ рубиновъ былъ привезенъ изъ Китая сибирскому губернатору, князю Гагарину; потомъ онъ перешолъ къ Меньшикову, а теперь составляетъ одно изъ украшеній императорской короны.

„Русскіе часто посылали въ Пекинъ посольства, почти исключительно съ торговою цѣлью. Петръ I поручилъ одно изъ этихъ посольствъ датчанину Избранту Идесъ. Въ 1727 году, русскій дворъ поручилъ другое посольство рагузинскому урожденцу, графу Саввѣ, который прибавилъ къ своему имени фамилію Рагузинскаго. Савва прожилъ въ Пекинѣ 6½ мѣсяцевъ и успѣлъ успокоить недовольныхъ уже русскими китайцевъ. Но высокомѣріе и дурное поведеніе русскихъ закрыли имъ входъ въ Китай, они могли торговать съ китайцами уже только на границѣ. Торговля эта нѣсколько разъ прерывалась и возобновлялась; наконецъ, незадолго до смерти императрицы Елисаветы, новые раздоры опять ее прекратили.

„Екатерина видѣла необходимость возстановить эту торговлю. Она предложила это китайскому императору. Онъ согласился, и въ 1770 году маленькій городокъ Кяхта сдѣлался сборнымъ мѣстомъ китайскихъ и русскихъ купцовъ. Императрица послала изъ Москвы архимандрита и нѣсколько молодыхъ людей въ Пекинъ,—изучать китайскій языкъ. Тогда же она повелѣла устроить, на извѣстныхъ разстояніяхъ отъ китайской границы, города и деревни. Туда были посланы поселенцы, которые, впрочемъ, почти всѣ погибли жертвою хищности русскихъ правителей. Однакожъ, убѣжище, данное китайцами бѣжавшимъ съ береговъ Волги тургутамъ, и слабость наказаній, которымъ русскіе подвергали своихъ земляковъ, совершившихъ преступленія на Китайской землѣ, еще нарушали согласіе двухъ имперій и были нѣсколько времени поводомъ къ перепискѣ, которая только раздражала оба правительства. Богдыханъ оскорбился тѣмъ, что Екатерина какъ будто упрекала его въ излишней страсти къ наказаніямъ, а Екатерина была задѣта тѣмъ, что Цзенъ-Лонгъ закончилъ одно изъ своихъ писемъ желаніемъ, чтобы небо послало ей больше благоразумія. Наконецъ, въ 1788 году, агентъ Екатерины былъ посланъ въ Пекинъ, а въ 1789 году мандаринъ Сунта-цзинъ и русскій министръ заключили въ Кяхтѣ новое соглашеніе, которое возстановило довѣріе и торговлю между двумя народами. Екатерина поощряла также морскія экспедиціи изъ Камчатки. По примѣру англичанъ, которые закупали мѣха на сѣверо-западномъ берегу Америки, нѣсколько русскихъ кораблей отправились въ Китай и торговали тамъ съ успѣхомъ (II, 369—372).

„Еще и съ другой страной Екатерина желала завесть торговыя сношенія. Сѣверные берега Россіи, и особенно ея поселенія на многихъ островахъ сѣвернаго Архипелага, находятся очень близко отъ Японіи. Случай помогъ намѣреніямъ императрицы. Нѣсколько японцевъ потерпѣли крушеніе у Мѣднаго острова и спаслись на русскомъ берегу. Иркутскій житель, Лаксманъ, ученый нѣмецъ, членъ петербургской академіи наукъ, доставилъ одного изъ нихъ въ Петербургъ. Екатерина ласково приняла его и дала ему учителей, которые, обучивъ его русскому и татарскому языкамъ, сами изучили японскій языкъ на столько, что могли вести торговыя сношенія. Это предпріятіе еще не имѣетъ большаго успѣха; но нѣтъ сомнѣнія, что русскіе рано или поздно, раздѣлятъ съ голландцами огромныя выгоды торговли съ Японіей“ (II, 369—373).

Описывая турецкую войну 1790 года, Кастера, между прочимъ, говоритъ, что Екатерина принимала мѣры къ усиленію своей арміи. „Но люди сдѣлались рѣдкостью въ Россіи. Поэтому, изъ сибирскихъ пустынь была возвращена часть ссыльныхъ, чтобы дополнить ими недостатокъ въ солдатахъ“ (III, 56).

В. Вагинъ.

(Окончаніе будетъ).

*) См. «Вост. Обозр» №№ 31, 32, 33 и 35 за нынѣшній годъ.

ПОКАЯВШІЙСЯ *).

(Эпизодъ изъ новѣйшей исторіи раскола).

Это случилось на Уралѣ, въ Пермской губерніи, въ 1868 году.

Филипповское волостное правленіе, Кунгурскаго уѣзда, представило приставу перваго стана крестьянина Василья Иванова Водынина, обвиняя его въ томъ, что онъ отказывается отъ платежа податей и не признаетъ надъ собой верховной и другихъ властей. Началось уголовное дѣло.

При дознаніи, произведенномъ становымъ приставомъ, государственный крестьянинъ деревни Шубиной, Филипповской волости, Василій Ивановъ Водынинъ заявилъ, что онъ „за первую половину года государственныя подати въ количествѣ 6 рублей 70 коп. сер. не заплатилъ и платить ихъ не станетъ, потому что платежъ податей считаетъ дѣломъ душепагубнымъ и противнымъ священному писанію“. „О томъ, что податей платить не слѣдуетъ, онъ вычиталъ въ книгѣ Меѳодія Пацкаго, но у кого именно читалъ эту книгу,—онъ не скажетъ, а у него самого такой книги нѣтъ“.

Далѣе Водынинъ заявлялъ, что „ни верховной власти Государя Императора, ни другихъ властей надъ собою онъ не признаетъ. По раскольническому писанію, подати требуетъ не царь, а антихристъ; слѣдовательно, если,—какъ ему сказали въ волостномъ правленіи, — подати собираетъ царь, то онъ и есть антихристъ, потому что никакого царя, ни царства нѣтъ, а если бы былъ царь, то мы (?!) тоже должны царствовать. Въ расколѣ онъ состоитъ лѣтъ пятнадцать, а до тѣхъ поръ былъ въ православіи. Кто его совратилъ въ

*) Настоящій очеркъ былъ помѣщенъ, подъ другимъ названіемъ, года два тому назадъ въ одномъ историческомъ журналѣ, но при этомъ онъ подвергся такимъ существеннымъ измѣненіямъ, которыя значительно измѣняли его характеръ. Въ виду того, что случай, изложенный въ этомъ очеркѣ, является весьма характернымъ для извѣстной группы уральскаго раскола, мы сочли нелишнимъ возстановить свой разсказъ въ его первоначальномъ видѣ. Содержаніе очерка заимствовано нами изъ подлиннаго дѣла. *Авт.*

расколъ,—того не помнитъ. Писанію раскольническому (?) онъ научился у неизвѣстныхъ лицъ, которыхъ назвать не можетъ".

Водынинъ былъ посаженъ въ тюрьму, а дознаніе о немъ передано судебному слѣдователю 1-го участка Кунгурскаго уѣзда. Въ то же время, въ домѣ Водынина произведенъ былъ обыскъ, причемъ были найдены: псалтырь, молитвословъ и тринадцать исписанныхъ листовъ; всѣ эти книги и „листы" были взяты и „пріобщены къ дѣлу".

Окончивъ дознаніе, слѣдователь представилъ дѣло о Водынинѣ губернскому прокурору, а прокуроръ—губернатору, губернаторъ же, „на основаніи Высочайшаго повелѣнія, изъясненнаго въ циркулярномъ предложеніи министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 16-го ноября 1850 года, за № 709",—препроводилъ все въ III Отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. При этомъ губернаторъ высказалъ такое мнѣніе, что „въ виду фанатическаго увлеченія крестьянина Водынина, могущаго вредно вліять на другихъ, представлялось бы необходимымъ удалить его изъ Пермской губерніи".

Генералъ Мезенцевъ, который, за отсутствіемъ шефа жандармовъ, управлялъ III Отдѣленіемъ, съ своей стороны препроводилъ дѣло о Водынинѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ, генералъ-адъютанту Тимашеву, а послѣдній, по разсмотрѣніи, возвратилъ это дѣло обратно къ пермскому губернатору, причемъ, между прочимъ, писалъ: „Имѣя въ виду, что выраженія противъ священной особы Государя Императора въ настоящемъ случаѣ имѣютъ своимъ началомъ раскольническій фанатизмъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство дать этому дѣлу дальнѣйшее движеніе, въ порядкѣ, установленномъ 585 ст. свода законовъ, т. XV, кн. I, изд. 1857 года" *).

Далѣе министръ писалъ: „Независимо отъ сего, усматривая изъ первоначальнаго допроса, сдѣланнаго крестьянину Водынину филипповскимъ волостнымъ правленіемъ, по поводу неплатежа имъ государственныхъ податей, что волостной старшина дозволилъ себѣ неумѣстные вопросы, явно вызывавшіе Водынина, какъ раскольника-фанатика, къ произнесенію вышеупомянутыхъ дерзкихъ словъ, я прошу ваше превосходительство сдѣлать распоряженіе, чтобы на будущее время въ подобныхъ случаяхъ руководствовались извѣстною вамъ изъ циркуляра предмѣстника моего, отъ 24-го января 1862 года, за № 3, инструкціею, данною бывшимъ министромъ юстиціи подвѣдомственнымъ ему мѣстамъ и лицамъ".

Вслѣдствіе этого предложенія, копія съ циркуляра 1862 года № 3 была сообщена губернаторомъ всѣмъ исправникамъ, причемъ имъ поставлено было на видъ, чтобы, „при производствѣ дознаній о раскольникахъ, ограничиваться приведеніемъ въ извѣстность, къ какой сектѣ принадлежатъ допрашиваемые, и отнюдь не предлагать имъ вопросовъ, касающихся самаго существа ихъ ученія, въ особенности же мнѣнія ихъ о Государѣ Императорѣ".

Дѣло о Водынинѣ было передано въ пермскій уѣздный судъ. Книги, отобранныя у него при обыскѣ, были возвращены ему, за исключеніемъ „листовъ", которые были назначены „къ уничтоженію". Но что содержали въ себѣ эти „листы",—изъ дѣла, бывшаго въ нашемъ разсмотрѣніи, къ сожалѣнію, не видно.

Просидѣвъ около года въ тюрьмѣ, Водынинъ подаетъ губернатору прошеніе, въ которомъ выражаетъ свое раскаяніе и желаніе присоединиться къ православію. Прошеніе это писано рукою кунгурскаго миссіонера, протоіерея Евфимія Веселовскаго. Признавая себя виновнымъ какъ въ неплатежѣ податей, такъ и въ отрицаніи властей, Водынинъ въ прошеніи своемъ заявляетъ: „Въ основѣ той и другой вины было главнымъ образомъ уклоненіе мое въ секту перекрещенцевъ; нынѣ же, вполнѣ сознавъ свое заблужденіе, я чистосердечно раскаялся въ своемъ заблужденіи и изъявилъ чистосердечное желаніе состоять въ нѣдрахъ православной церкви неуклонно и исполнять всѣ христіанскія обязанности неупустительно, въ чемъ, по исповѣданіи своихъ согрѣшеній, и далъ подписку кунгурскому отцу миссіонеру, копія съ которой при семъ прилагается".

Причину своего раскаянія Водынинъ мотивируетъ слѣдующимъ образомъ: „Оставленный мною духъ поморства принесъ мнѣ уже достаточно зла, разстроивъ мое хозяйство и подвергнувъ тюремному заключенію. Сознавши вполнѣ зловредность этого духа, въ настоящее время я болѣе его не питаю и далъ уже обязательство не уклоняться болѣе отъ св. церкви".

Прошеніе заканчивается такъ: „Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣла моего предавая себя правосудію законовъ и Высочайшей милости Августѣйшаго Монарха, осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство, впредь до окончательнаго рѣшенія дѣла обо мнѣ, которое представлено въ правительствующій сенатъ,—отдать меня на поручительство односельчанъ моихъ. О послѣдующемъ по сему распоряженіи вашего превосходительства наградить меня установленнымъ объявленіемъ". Прошеніе „своеручно" подписано Водынинымъ („потъписуюсь").

Самое „обязательство" Водынина писано слѣдующимъ образомъ:

„1869 года мая 19-го дня, я, нижеподписавшійся, государственный крестьянинъ Пермской губерніи, Кунгурскаго уѣзда, Филипповской волости, деревни Шубиной, Василій Ивановъ Водынинъ, далъ сію подписку кунгурскому отцу миссіонеру, протоіерею Евфимію Веселовскому, при смотрителѣ тюремнаго замка, въ томъ, что я, уклонившійся въ секту перекрещенцевъ отъ св. церкви, внявъ гласу Евангелія, по увѣщанію миссіонерскому, нынѣ оставляю душепагубный расколъ и изъявляю симъ добровольно желаніе мое присоединиться въ нѣдра св. православной церкви, состоять въ приходѣ кунгурскаго Благовѣщенскаго собора протоіерея Евфимія; въ ознаменованіе же моего присоединенія къ св. церкви, я исповѣдовался у упомянутаго протоіерея въ 17-е число настоящаго мая. Къ сей подпискѣ своеручно подписуюсь съ тѣмъ, чтобы исполнять неупустительно всѣ христіанскія обязанности. Крестьянинъ Василій Ивановъ Водынинъ".

Въ качествѣ свидѣтеля „къ обязательству приложилъ руку".... смотритель того тюремнаго замка, гдѣ Водынинъ томился за свои мнѣнія и гдѣ от. Веселовскій довелъ его до раскаянія.

Кунцево. **А. Пругавинъ.**

2-го августа 1885 года.

*) Вотъ эта статья: «Дѣла о преступленіяхъ раскольниковъ противъ вѣры: богохуленіемъ вѣры, распространеніемъ ересей и расколовъ и совращеніемъ въ оные, оскорбленіемъ святыни, нарушеніемъ церковнаго благочинія и пр., производятся по общему порядку дѣлъ уголовныхъ, и инстанціи уголовнаго суда приговоры свои приводятъ въ исполненіе на законномъ основаніи».

НА АМУРЪ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ УКРАИНЦА).

Я знавалъ Семена Кузьмича Гонтаря издавна. Это былъ человѣкъ громаднаго роста, плечистый, съ красивыми длинными усами; бороду же онъ брилъ осколкомъ косы, который у него постоянно находился въ карманѣ вмѣстѣ съ деревянной ложкой и мѣднымъ гребнемъ. Семену Кузьмичу было лѣтъ за 35, но, не смотря на такіе довольно солидные годы, онъ любилъ помолодиться. Какъ надѣнетъ, бывало, Семенъ Кузьмичъ въ праздникъ черную свитку, жирно смазанные деггемъ сапоги, заломитъ на бекрень высокую баранью шапку, подпояшется яркимъ поясомъ, — такъ онъ смѣло могъ заткнуть за поясъ любаго парня; и не одно дѣвичье сердечко трепетало, при видѣ Семена Кузьмича, а щечки покрывались румянцемъ. Но Семенъ на таковыя проявленія неравнодушія къ нему прекраснаго пола не обращалъ, повидимому, никакого вниманія, ибо къ прекрасному полу относился весьма пренебрежительно: „одно слово — баба“,—скажетъ бывало и, какъ бы съ досады какой, плюнетъ наземь и угрюмо замолчитъ. Когда же его спрашивали, почему онъ не женится, то Семенъ Кузьмичъ, махнувши рукой, отворачивался отъ вопрошающаго въ сторону и, немного подумавши, отвѣчалъ словами пѣсни: „мені съ жінкою не возиться“...

И, дѣйствительно, трудно было бы Семену „возиться“ съ женой, такъ какъ у него не было непремѣннаго атрибута семейной крестьянской жизни, „домівки“. Собственно домівка у него была, и земля была въ количествѣ пяти десятинъ, но всѣми этими благами пользовался его братъ, Карпо, и вносилъ, въ видѣ возмездія, за Семена Кузьмича должныя подати. Семенъ Кузьмичъ весьма рѣдко посѣщалъ свои владѣнія, а если и посѣщалъ, то исключительно ради дуба. Дубъ этотъ росъ въ огородѣ, отличался необычайной толщиной, и къ этому дубу Семенъ Кузьмичъ былъ крайне неравнодушенъ. Что̀ было причиной такой симпатіи Семена Кузьмича къ бездушному предмету—никому не было извѣстно, но что тутъ дѣйствовали не корыстныя цѣли, было извѣстно каждому, ибо Семенъ Кузьмичъ никогда, никому, ни по какой цѣнѣ не соглашался продать свой дубъ и на всякія къ тому приглашенія всегда говорилъ: „пускай стоитъ“.

— Зачѣмъ же онъ будетъ стоять? — убѣждалъ Семена Кузьмича покупатель. — Вѣдь я тебѣ за него какія деньги даю: — 15 рублей!!

Семенъ Кузьмичъ, махнувши рукой, отворачивался въ сторону и молчалъ.

— Ты только пойми, — сладкимъ голосомъ продолжалъ покупатель:—15 рублей!!—такихъ денегъ тебѣ никто не дастъ.

Семенъ Кузьмичъ молчалъ.

— Ну, хочешь—набавлю?

Семенъ Кузьмичъ вдругъ грозно оборачивается къ покупателю:

— Отойди, сатана! сказалъ—не продамъ!

Покупатель плевалъ, ругался и уходилъ ни съ чѣмъ. На сколько къ дубу пылалъ любовью Семенъ Кузьмичъ, на столько къ прочему своему имуществу онъ относился индифферентно. Однажды Карпо забрался въ смежную помѣщичью леваду, и когда помѣщикъ пригрозилъ Карпу судомъ, то послѣдній почему-то всю отвѣтственность сложилъ съ себя и указалъ на Семена: „онъ де настоящій владѣтель, а моя хата съ краю“. Семена Кузьмича вызвали къ мировому судьѣ. Объяснивъ, въ чемъ Гонтарь обвиняется, судья пригласилъ его помириться съ помѣщикомъ.

— Я съ нимъ не ругался и мириться, значитъ, мнѣ съ нимъ нечего,—мрачно отвѣчалъ Семенъ.

— Но ты долженъ возвратить помѣщику захваченную у него землю.

— Да что я землю въ карманѣ съ собой ношу, что ли?.. Пускай онъ хоть всю ее заберетъ!.. Тьфу!.. — и Семенъ Кузьмичъ энергично плюнулъ и, нахлобучивъ шапку, быстро вышелъ изъ камеры. За такой дерзкій поступокъ и неуваженіе къ суду онъ былъ приговоренъ къ недѣльному аресту. Это наказаніе было для Семена Кузьмича крайне чувствительно, какъ для человѣка, привыкшаго всю свою жизнь шататься по свѣту и въ этомъ шатаньѣ находившаго чуть ли не единственное жизненное наслажденіе. Прежде, когда на счетъ шатанья было не такъ строго, Семенъ Кузьмичъ путешествовалъ далеко за предѣлами своей родины. Онъ былъ и въ Кіевѣ, и въ Одессѣ, и на Кавказѣ „за Кубанью“. Но съ наступленіемъ строгостей раіонъ его хожденій значительно съузился: дальше своей губерніи онъ ужъ не заходилъ. Это обстоятельство заставило Семена Кузьмича отзываться о настоящемъ времени съ самой мрачной точки зрѣнія: „будь ты трижды проклято“,—говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ и, по обыкновенію, плевалъ въ сторону.

Путешествуя, Семенъ Кузьмичъ не имѣлъ ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго маршрута.—„А куда двинулся“?—спрашивали Семена Кузьмича, видя его широко шагающимъ по дорогѣ, съ длинной палкой въ рукахъ и съ мѣшечкомъ за плечами.—„Куда прійдется“,—отвѣчалъ Семенъ Кузьмичъ. Но чаще онъ ничего не отвѣчалъ, а, махнувши рукой, шелъ своей дорогой. Вотъ онъ проходитъ черезъ село. На пути ему попадается усадьба знакомаго пана. Семенъ Кузьмичъ заворачиваетъ во дворъ и направляется въ кухню. Черезъ нѣкоторое время онъ показывается безъ своей походной аммуниціи, съ топоромъ, идетъ въ садъ, съ страшнымъ трескомъ рубитъ лознякъ, дѣлаетъ необычайныхъ размѣровъ метлу и, взмахнувши ею нѣсколько разъ по воздуху, начинаетъ мести дворъ.

Все это Семенъ Кузьмичъ продѣлываетъ безъ всякихъ приказаній со стороны хозяина, по своей собственной иниціативѣ. Мететъ Семенъ Кузьмичъ дворъ, наметая цѣлыя горы мусору и поднимая цѣлыя облака пыли. Затѣмъ вытаскиваетъ телѣгу и собственными силами вывозитъ мусоръ на улицу. Потъ съ него катится градомъ, вся рубаха дѣлается мокрой, но Семенъ Кузьмичъ не отдыхаетъ, пока во дворѣ не останется ни одной щепки. Потомъ онъ идетъ въ домъ къ панамъ, гдѣ и требуетъ прежде всего чарку горилки. Въ домѣ его встрѣчаютъ всегда радушно, разспрашиваютъ, въ какихъ мѣстахъ бывалъ, какъ поживаютъ ихъ родственники и родственницы, которыхъ Семенъ Кузьмичъ зналъ всѣхъ наперечетъ.

На одномъ мѣстѣ Семенъ Кузьмичъ проживалъ дня три—четыре, много недѣлю. Онъ то подметалъ дворъ, то чистилъ садъ, то копалъ гряды въ огородѣ. Затѣмъ, получивъ отъ хозяина за свои труды плату, отправлялся въ дальнѣйшее путешествіе. Плата обыкновенно была самая низкая, но Семенъ Кузьмичъ на этотъ счетъ никогда не выражалъ неудовольствія, а бралъ, сколько бы ему ни дали. И никакія деньги не могли его заставить остаться и работать, когда онъ собирался уходить. Бывали, впрочемъ, примѣры, что Семенъ Кузьмичъ, уступая настоятельнымъ просьбамъ хозяина, соглашался проработать опредѣленное время; но онъ никогда не выдерживалъ срока и за долго до его истеченія, безъ всякихъ разговоровъ, бралъ свою палку, торбу и уходилъ.—Ты что же, Семенъ Кузьмичъ, тогда удралъ?—спрашивалъ его помѣщикъ, когда Семенъ Кузьмичъ чрезъ нѣкоторое время опять къ нему являлся: — это, братъ, не хорошо, нанялся и удралъ! не хорошо!—Но Семенъ Кузьмичъ обыкновенно на это ничего не возражалъ, а махнувши рукой, отворачивался въ сторону. Вообще Семенъ Кузьмичъ много говорить не любилъ.

Жилъ такимъ образомъ онъ изо дня въ день, путешествуя и подметая дворы. И вдругъ въ жизни Семена Кузьмича произошла рѣзкая перемѣна,—перемѣна, какъ громомъ поразившая всѣхъ, кто только зналъ Гонтаря: мрачный, серьёзный, съ каменнымъ сердцемъ для всякихъ амурныхъ поползновеній, онъ вдругъ влюбился и женился.

Что жъ это была за сирена? Какими она должна была обладать прелестями, чтобы очаровать недоступнаго Семена Кузьмича и заставить его рѣшиться на такой, поистинѣ, удивительный подвигъ, какъ женитьба? Самая обыкновенная, безъ всякихъ выдающихся прелестей, дѣвушка Параска. Параска служила горничной у помѣщика, которому Семенъ Кузьмичъ довольно часто подметалъ дворъ. Она была очень молода, лѣтъ 17-ти, недурна собой и съ замѣчательно подвижнымъ характеромъ. Въ этомъ отношеніи Параска представляла собой полную противоположность съ суровымъ Семеномъ Кузьмичемъ. Беззаботное, веселое настроеніе духа никогда ее не покидало. Гдѣ бы она ни была: въ кухнѣ, въ саду, во дворѣ,—вездѣ раздавался ея звонкій смѣхъ. Она любила заигрывать и съ Семеномъ Кузьмичемъ, тормошила его почтенную фигуру, хлопала по спинѣ. Но всѣ эти продѣлки носили самый невинный характеръ, и Семенъ Кузьмичъ относился къ нимъ равнодушно, подчасъ улыбаясь своей широкой улыбкой и называя Параску „дзыгой". Вотъ къ этой-то „дзыгѣ" онъ и почувствовалъ, на удивленіе всѣмъ своимъ знакомымъ, сердечное влеченіе, и почувствовалъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя еще болѣе заставили удивляться поступку Семена Кузьмича. Среди дворни пронесся слухъ, что Параска находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ паничемъ. Слухъ этотъ оправдался; паничъ, какъ водится, уѣхалъ, и Параска сильно загрустила. Съ этого времени стали замѣчать, что съ Семеномъ дѣлается также что-то неладное. Онъ сталъ еще сумрачнѣе прежняго, еще меньше говорилъ и не выказывалъ никакихъ поползновеній къ путешествію. На всѣ вопросы окружающихъ касательно такаго страннаго поведенія, Семенъ Кузьмичъ не давалъ никакихъ отвѣтовъ. Но, не смотря на это, было видно, что тутъ не послѣднюю роль играетъ Параска. Частыя поглядыванія Семена Кузьмича на дѣвушку, предложенія помочь въ какой либо работѣ,—все это давало обильную пищу сплетнямъ. Когда же Семенъ выругалъ разъ публично и чуть не отколотилъ бабу Химу, за то, что та дурно отозвалась о Параскѣ, тогда всѣмъ стало ясно, что происходитъ въ душѣ у Семена Кузьмича, и никто ужъ не осмѣливался чесать языкъ на счетъ дѣвушки. Она имѣла хорошаго защитника.

Итакъ, Семенъ Кузьмичъ женился. Но этого мало,—онъ не только женился, а совершилъ еще не менѣе удивительный подвигъ: бросилъ бродяжничество, поселился съ молодой женой въ собственной „домівкѣ" и сдѣлался, повидимому, самымъ заправскимъ хозяиномъ-хлѣборобомъ.

Случилось мнѣ прожить нѣкоторое время въ той странѣ, которая съ одной стороны поселяетъ въ людскихъ сердцахъ страхъ и ужасъ, какъ страна—изгнанія, съ другой же—возбуждаетъ восторгъ, какъ страна, текущая млекомъ и медомъ. Помню, былъ праздничный день. Я сидѣлъ съ нѣсколькими старичками у воротъ и бесѣдовалъ съ ними о разныхъ предметахъ, а главнымъ образомъ о тягости нынѣшнихъ „гонимыхъ" временъ. Старички мои сильно сокрушались, да и было о чемъ. Погода стояла сухая, вѣтряная; мало-мальски порядочнаго дождя съ начала лѣта и совсѣмъ не было. Нахмурится небо, загремитъ громъ: „вотъ, слава тебѣ Господи, дождикъ пойдетъ!"—радуются обыватели. Но не тутъ-то было: туча проносится, громъ замолкаетъ вдали, замолкаетъ въ сердцахъ и радость обывателей.

— Что годъ, то хуже, что годъ, то хуже,—задумчиво проговорилъ сѣдой, какъ лунь, съ лицомъ патріарха, старикъ Савелій.—То ли было въ мои молодые годы? Первымъ дѣломъ земли пашни, сколько хочешь; лѣсу руби направо, налѣво; птицы всякой, косачей этихъ—видимо, невидимо! Ягоды разной бабы возами таскали! Одно слово, благодать! Опять же утѣсненія того не было... А нынче ужъ землю стали кой-гдѣ нарѣзывать... Скотину на поводу скоро пасти будутъ... А лѣсъ? гдѣ онъ? Это, что ли?—и Савелій съ какой-то злобной ироніей махнулъ рукой по направленію къ открывавшемуся нашимъ глазамъ пространству. На сколько могъ обхватить взоръ, пространство это было покрыто кустами ельника, изрѣдка попадалась тощая береза да осина.

— А помнишь ли, Панкратьичъ,—возбужденно продолжалъ Савелій, обращаясь къ одному изъ слушателей:—какъ мы съ тобой вотъ въ этихъ мѣстахъ—на медвѣдя-то, съ рогатиной?.. Не забылъ, чай?..

— Гдѣ забыть!—отозвался Панкратьичъ.—Только, видно, наше времячко прошло. Пожили. А поживутъ ли наши внуки такъ—про то одинъ Господь небесный вѣдаетъ. Народу больно много развелось...

— Это вѣрно,—подтвердилъ Савелій.—Народъ такъ и валитъ, такъ и валитъ... Да и народъ-то, прости Господи, какой!.. Грабежи, убивство, распутство всякое развелось. Винище это въ ходъ пошло—почитай, какъ воду локаютъ. Только вотъ что я скажу: у насъ, въ Сибири, стало жить худо, ну, а въ Рассеѣ, надо думать, и того хуже. Вѣдь дня не пройдетъ, чтобы эти самые самоходы не тянулись по дорогѣ. Вонъ, вонъ, гляди, ребята, легки на поминкѣ,—вскричалъ вдругъ Савелій, показывая рукой на конецъ улицы. Мы повернули головы. По дорогѣ дѣйствительно тихо плелась цѣлая вереница телѣгъ самоходовъ. Вотъ они поравнялись съ нами. Худыя, изнуренныя лошаденки уныло тащатъ въ одиночку

крытые возы. Изъ-за разнаго скарба съ любопытствомъ посматриваютъ бабы и ребятишки. Мужики съ кнутами идутъ пѣшкомъ. Загорѣлыя, истомленныя лица, какія-то лохмотья вмѣсто одежды,—все это производитъ тяжелое удручающее впечатлѣніе...

— Откуда Богъ несетъ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

— Полтавскіе.

— А куда?

— На Амуръ.

Вотъ проходитъ послѣдняя телѣга. Сзади, заложивъ за спину руки, въ бараньей шапкѣ, широко шагаетъ высокій, усатый мужикъ. Что-то давно знакомое, близкое показалось мнѣ въ физіономіи этого мужика. Я сталъ пристально въ него всматриваться—и узналъ... за возомъ шелъ старый знакомецъ—Гонтарь...

— Здравствуй, Семенъ Кузьмичъ!—крикнулъ я, подходя къ нему.—Не узнаешь?

Семенъ Кузьмичъ нѣсколько времени смотрѣлъ на меня и молчалъ. Но вотъ длинные усы его раздвинулись, лицо освѣтилось улыбкой.

— Вотъ гдѣ Господь привелъ встрѣтиться,—радостно произнесъ онъ, снимая съ головы шапку. Я также снялъ свою—и мы крѣпко, поземляцки, облобызались. На нашъ говоръ изъ кибитки выглянула молодица. Трудно было узнать въ ней прежнюю веселую, красивую Параску: суровое путешествіе наложило, видно, свой страдальческій отпечатокъ и на ея когда-то беззаботное личико.

— Что, Семенъ Кузьмичъ,—спросилъ я:—не усидѣлъ на мѣстѣ?—Семенъ Кузьмичъ махнулъ рукой.

— Оно бы, можетъ, и усидѣлъ, только жить больно худо стало...

— Какъ такъ? вѣдь земля у тебя, кажись, была?

— Земля! Что земля? Не въ землѣ одной дѣло! Люди, притѣснительства всякія...

— И все-то онъ вретъ!—вмѣшалась тутъ Параска.—Ей-Богу, вретъ! И люди были, какъ люди, и всего у насъ было вдоволь и хлѣба, и до хлѣба. Только бы жить... Нѣтъ же, сдурѣлъ человѣкъ. Все продалъ... Ужъ я плакала, плакала!..

Семенъ Кузьмичъ молчалъ. По выраженію его лица можно было замѣтить, что ему нелегко было выслушивать такія женины рѣчи. Вдругъ онъ какъ-то напряженно засмѣялся.

— Не горюй, Параска! вотъ дастъ Богъ, прійдемъ на Амуръ, устроимся и заживемъ на славу!...

— Какъ же! заживемъ!—сквозь слезы проговорила Параска.

Мнѣ стало тяжело, и я поспѣшилъ проститься съ землякомъ. Мы снова сняли шапки, поцѣловались, пожелали другъ другу всего хорошаго...

— Какъ знать?—взволнованно проговорилъ Семенъ Кузьмичъ.—Можетъ, еще увидимся и на Украинѣ!—Слезы потекли вдругъ по его лицу. Онъ махнулъ рукой, повернулся и медленно зашагалъ за своимъ возомъ.

О. Л.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА НЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Болгарскій вопросъ, весьма понятно, стоитъ на первомъ планѣ и отодвинулъ въ сторону всѣ прочіе. Газеты переполнены извѣстіями съ Балканскаго полуострова. Изъ Софіи сообщаютъ въ „Политическую Корреспонденцію", что князь Александръ сдѣлалъ по телеграфу подписавшимъ берлинскій трактатъ державамъ сообщеніе, выясняющее его образъ дѣйствій. Изъ Филиппополя сообщаютъ той же газетѣ изъ надежнаго болгарскаго источника, что присоединеніемъ Восточной Румеліи къ Болгаріи князь отнюдь не намѣренъ измѣнить въ чемъ либо зависимыя отношенія обѣихъ этихъ странъ къ Турціи; что онъ вообще не руководился никакими враждебными Портѣ мотивами и придаетъ величайшее значеніе тому, чтобы его дальнѣйшее поведеніе не представляло враждебнаго Портѣ характера.

Народное собраніе въ Филиппополѣ рѣшило принять избраніе Румеліей князя Александра княземъ Южной Болгаріи. Собраніе приняло также предложеніе объ объявленіи осаднаго положенія. Одинъ полкъ болгарской кавалеріи вступилъ въ Филиппополь среди всеобщаго энтузіазма. Князь Александръ, который выѣхалъ со свитой навстрѣчу полку, при вступленіи послѣдняго въ городъ, ѣхалъ впереди онаго верхомъ. Князь Александръ выѣхалъ для смотра войскамъ на границу. Безпрестанно приводятъ множество лошадей, какъ результатъ реквизиціи и добровольныхъ приношеній. Повсюду составляются дамскіе комитеты, которые отправляютъ уже въ центральные пункты множество платья для солдатъ. Въ Филиппополь продолжаютъ приходить баталіоны резервистовъ, которые немедленно отправляются на границу. По всей провинціи формируются баталіоны и эскадроны волонтеровъ. Все дѣлается въ совершенномъ порядкѣ. Изъ достовѣрнаго источника передаютъ, что иностранные представители телеграфировали своимъ правительствамъ, что объединительное движеніе имѣетъ чисто болгарское происхожденіе и что оно было неожиданностью даже для Россіи. 15-го сентября, князь Александръ присутствовалъ при выступленіи одного эскадрона на границу, затѣмъ произвелъ смотръ двумъ прибывшимъ изъ Болгаріи батальонамъ добровольцевъ и посѣтилъ главный госпиталь, а потомъ и мечеть, гдѣ собралось много мусульманъ. Князь разрѣшилъ имаму молиться также за султана. Имамъ сотворилъ молитву за султана и за князя Александра. По окончаніи молитвы князь сказалъ мусульманамъ, что гарантируетъ сохраненіе порядка всѣмъ, безъ различія исповѣданій, и вышелъ изъ мечети среди благословленій. Затѣмъ князь посѣтилъ всѣхъ лицъ, стоящихъ во главѣ различныхъ религіозныхъ общинъ. Газеты передаютъ, что пожертвованія въ Румеліи на защиту отечества принимаютъ совершенно небывалые размѣры. Въ нѣсколько дней въ Филиппополѣ и другихъ городахъ сумма пожертвованій дошла до десяти милліоновъ франковъ. Этотъ фактъ лучше всего доказываетъ, что напряженіе Болгаріи достигло высокой степени и что она серьёзно готова защищать свое объединеніе.

— Изъ Будапешта, отъ 13-го сентября, телеграфируютъ, что Петръ Карагеоргіевичъ замышляетъ бунтъ противъ короля Милана. Карагеоргіевичъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи эмигрировавшихъ червогорцевъ и сербскихъ радикаловъ.

— Болгарско-румелійское событіе, весьма понятно, вызвало извѣстную дѣятельность также въ политическомъ мірѣ Греціи. „Агентство Гаваса" сообщаетъ, что правительство принимаетъ мѣры для быстрой въ случаѣ надобности мобилизаціи арміи, стягиваетъ войска въ Ѳессаліи; оно рѣшило, кромѣ того, призвать въ непродолжительномъ времени часть резервовъ. Общественное мнѣніе возбуждено вслѣдствіе извѣстій изъ Румеліи. Оффиціозныя и оппозиціонныя газеты говорятъ, что объединеніе Болгаріи угрожаетъ жизненнымъ интересамъ эллинизма; онѣ требуютъ, чтобы правительство принесло всевозможныя жертвы для огражденія правъ эллинизма. Митинги продолжаются, вотируются резолюціи, убѣждающія правительство дѣйствовать энергически.

По свѣдѣніямъ того же „Агентства Гаваса", греческій морской министръ приказалъ вооружить всѣ суда флота, въ томъ числѣ и торпедныя. Гарнизонныя войска Пелопонеза полусили походную обмундировку и направляются къ границѣ. Полагаютъ, что нѣкоторые греческіе банки доставятъ капи-

талы, необходимые для мобилизаціи всей арміи. Изъ провинцій сообщаютъ, что въ народныхъ собраніяхъ приняты резолюціи, коими правительство приглашается принять энергическое положеніе.

— 15-го сентября прибылъ въ Афины король и былъ восторженно принятъ населеніемъ. Вплоть до дворца короля сопровождала громадная толпа, причемъ во главѣ процессіи слѣдовали македонскіе, эпирскіе, критянскіе и ѳракійскіе флаги. Раздавались неумолкаемые „ура" и виваты въ честь Македоніи, Крита, Эпира и Ѳракіи. Король появился на балконѣ и обратился къ народу съ рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ: „Нынѣшнія чрезвычайно серьёзныя обстоятельства требуютъ мужества и предусмотрительности. Отъ насъ потребуются большія жертвы, передъ которыми, конечно, не остановится патріотизмъ эллиновъ. Греціи слѣдуетъ серьёзно взвѣсить всѣ обстоятельства, народъ долженъ довѣриться патріотизму короля и мудрости правительства". Послѣднія слова короля вызвали громадный энтузіазмъ и были покрыты громомъ рукоплесканій.

— Въ Англіи началась „избирательная кампанія". Сигналомъ къ ней послужилъ манифестъ Гладстона, въ которомъ бывшій руководитель англійской политики обращается къ странѣ съ просьбою возобновить довѣріе, которымъ онъ былъ почтенъ пять лѣтъ тому назадъ. Защищая свою политику относительно Афганистана, Индіи и Египта, Гладстонъ рѣшительно высказывается противъ присоединенія Египта, противъ англійскаго протектората или продленія оккупаціи на неопредѣленное время; онъ возстаетъ также и противъ мысли о какомъ бы то ни было вознагражденіи за понесенные Англіею труды и жертвы. Пока Англія не покинетъ Египта, до тѣхъ поръ она можетъ ожидать множества различныхъ униженій и будетъ встрѣчать препятствія въ правахъ другихъ націй, которыя она должна уважать, какъ права международныя; но какъ только Англія освободится отъ своей задачи въ Египтѣ, она снова займетъ положеніе независимое и вліятельное. Гладстонъ надѣется, что это вліяніе всегда будетъ подчинено искреннему признанію международнаго равенства и что при всякомъ законномъ случаѣ оно будетъ употребляемо на поддержку мелкихъ государствъ и развивающихся вольностей европейскаго Востока и вообще—на пользу справедливой свободы, мира и общаго права. Въ области внутренней политики Гладстонъ указываетъ на необходимость преобразованія аграрныхъ законовъ, болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ, преобразованія палаты лордовъ и развитія мѣстнаго самоуправленія.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Главноуправляющій кодификаціоннымъ отдѣломъ, сенаторъ Фришъ, выработалъ и представилъ на благоусмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ устройства кодификаціоннаго отдѣла при государственномъ совѣтѣ и штатовъ чиновниковъ и служащихъ при немъ. Весь составъ кодификаціоннаго отдѣла будетъ состоять изъ 33 лицъ и содержаніе обойдется въ 106,042 руб. въ годъ, считая въ томъ числѣ и суммы, отпускаемыя въ распоряженіе главноуправляющаго на вознагражденіе лицъ, приглашенныхъ для занятій по новому изданію свода законовъ.

— Главное управленіе почтъ и телеграфовъ проектируетъ съ наступленіемъ будущаго года предоставить всѣмъ мѣстнымъ и центральнымъ учрежденіямъ почтовымъ (въ конторахъ и отдѣленіяхъ) принимать подписку на всѣ существующія и могущія возникнуть въ имперіи газеты и періодическія изданія, какъ это существуетъ теперь въ столицахъ въ отношеніи иностранныхъ изданій. Съ установленіемъ такого порядка, почтовыя учрежденія будутъ отвѣтственны за аккуратную пересылку и доставку выходящихъ въ свѣтъ изданій, а разсчеты съ редакціями будутъ производить учрежденія, принявшія подписку.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ, озабоченное устройствомъ въ тюремныхъ заключеніяхъ мастерскихъ, въ которыхъ арестанты-ремесленники могли бы эксплоатировать свои ремесла, составило уже проектъ положенія объ этихъ мастерскихъ. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ „Нов. Времени", собираются подробныя свѣдѣнія отъ начальниковъ губерній о системахъ арестантскихъ работъ, принятыхъ въ каждой губерніи въ отдѣльности въ стѣнахъ тюремъ. Такъ какъ во многихъ тюрьмахъ производится теперь изготовленіе арестантской одежды, то означенныя свѣдѣнія должны выяснить, на что главнымъ образомъ расходятся деньги, выручаемыя арестантскимъ трудомъ, и получаютъ ли изъ выручки что либо арестанты. Съ установленіемъ новаго порядка и съ введеніемъ арестантскихъ мастерскихъ, опредѣленный процентъ изъ заработной суммы каждаго арестанта долженъ поступить въ собственность послѣдняго и будетъ выдаваться по выходѣ изъ заключенія, какъ пособіе для пріобрѣтенія необходимыхъ инструментовъ и матеріаловъ и для прожитія до пріисканія работы.

— На съѣздѣ врачей въ Петербургѣ будетъ обсуждаться вопросъ относительно обязательной явки врачей для поданія медицинской помощи. Вопросъ этотъ былъ уже поднятъ на послѣднемъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, но такъ и остался безъ движенія, не смотря на принятыя ученымъ собраніемъ резолюціи.

— Новый университетскій уставъ отразился на учащихся въ университетѣ стипендіатахъ различныхъ учрежденій. Дѣло въ томъ, что, въ противность уставу 1863 года, по новымъ правиламъ, со студента въ одинъ семестръ взимается 5 руб. въ кассу университета и по одному рублю за каждую лекцію въ пользу профессоровъ, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, чтобы вся взимаемая плата, въ сложности, не превышала 25 р. въ полугодіе. Освобождаются отъ нея при извѣстныхъ условіяхъ, всего лишь 15 проц. студентовъ, но вообще стипендіаты обязаны вносить ее наравнѣ со всѣми студентами, тогда какъ прежде одинъ фактъ полученія студентомъ какой бы то ни было стипендіи освобождалъ его отъ платы за слушаніе лекцій. Не говоря уже о томъ, что въ передаваемыхъ въ университетскую коллегію ста стипендіяхъ императора Александра II, за отчисленіемъ отъ каждой изъ нихъ по 50 руб., значительно уменьшатся средства содержанія коллегіи, и безъ того терпящей дефициты, ограниченныя стипендіи въ размѣрѣ 150—85 р. потеряютъ значеніе мѣры, обезпечивающей существованіе бѣднаго студента. Совѣтъ Петербургскаго университета озабоченъ улаженіемъ этого вопроса („Нов. Время").

— На медицинскій факультетъ въ Кіевѣ въ текущемъ году, за отсутствіемъ вакансій, по сообщенію газеты „Заря", приняты исключительно имѣвшіе аттестаты зрѣлости изъ гимназій Кіевскаго округа; изъ другихъ округовъ даже и получившіе золотыя медали не были приняты. Газета „Врачъ" замѣчаетъ по поводу этого извѣстія, что при такомъ наплывѣ студентовъ-медиковъ нельзя не пожелать, чтобы открытіе медицинскихъ факультетовъ въ Одесскомъ и Сибирскомъ университетахъ не затягивалось на слишкомъ долгіе сроки.

— На разсмотрѣніе правительства поступило, по словамъ „Моск. Вѣдом.", ходатайство представителей нѣмецкихъ колоній въ Одесскомъ уѣздѣ о разрѣшеніи открыть въ шести колоніяхъ названнаго уѣзда шесть ремесленныхъ двухклассныхъ училищъ. Просители жертвуютъ на это по десятинѣ земли съ прочнымъ каменнымъ домомъ для каждаго училища, а также вносятъ особый капиталъ, который будетъ давать процентовъ по 833 р. на училище.

— По словамъ „С.-Петерб. Вѣдом.", въ скоромъ времени на разсмотрѣніе государственнаго совѣта поступитъ общій нормальный планъ промышленнаго образованія въ Россіи, составленный особымъ отдѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, по техническому и профессіональному образованію.

— 15-го сентября, въ Казани впервые происходилъ въ думѣ торжественный актъ городскихъ училищъ. Изъ произнесенной рѣчи выяснилось, что въ Казани 19 училищъ съ

2,080 учащимися; 267 окончило курсъ. Были розданы награды и актъ закончился народнымъ гимномъ. Городъ тратитъ на училища 27,000 руб. ежегодно.

— Департаментъ земледѣлія и сельской промышленности министерства государственныхъ имуществъ, желая возможно больше распространять въ народѣ свѣдѣнія по сельскому хозяйству, вошелъ съ представленіемъ въ государственный совѣтъ объ увеличеніи кредита, отпускаемаго ежегодно на сельско-хозяйственныя изданія. Въ этихъ видахъ въ будущемъ году министерство государственныхъ имуществъ предполагаетъ, кромѣ „Земледѣльческой Газеты", издавать популярныя книги по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства по удешевленнымъ цѣнамъ и составлять учебники для низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Кромѣ того, департаментъ земледѣлія и сельской промышленности будетъ издавать втеченіе будущаго года отдѣльными книгами матеріалы для статистики Россіи и труды спеціалистовъ хозяйственно-статистическаго содержанія. На всѣ упомянутыя полезныя изданія испрашивается министерствомъ кредитъ на 1886 годъ въ 21,500 рублей.

— По слухамъ, въ Москвѣ затѣвается новая ежедневная газета, которая будетъ служить органомъ исключительно дворянскихъ интересовъ. Въ основаніи этого періодическаго изданія принимаютъ участіе нѣкоторые дворяне Москвы, Петербурга и другихъ городовъ. Для новой газеты придумано, по словамъ „Нов. Врем.", названіе „Зерно", которое, можетъ быть, будетъ измѣнено, при окончательномъ осуществленіи предпріятія.

— Въ Петербургѣ будетъ издаваться подъ редакторствомъ Масляннникова еженедѣльная сельско-хозяйственная газета „Сельскій Хозяинъ".

— Издателю „Казанскаго Биржеваго Листка" г. Гисси разрѣшено выпускать газету эту ежедневно, причемъ редакторомъ утвержденъ кандидатъ юридическихъ наукъ И. М. Знаменскій.

— Министръ народнаго просвѣщенія, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, управляющій министерствомъ юстиціи и за оберъ-прокурора святѣйшаго синода, товарищъ его, на основаніи примѣч. къ ст. 52 прил. къ ст. 4 (примѣч.) уст. ценз. св. зак. т. XIV, по прод. 1883 г., въ совѣщаніи 12-го сего сентября, постановили: прекратить вовсе изданіе выходящей въ свѣтъ въ Тифлисѣ газеты „Дроэба" и издаваемой въ С.-Петербургѣ газеты „Здоровье".

— „Новому Времени" сообщаютъ изъ Москвы, что извѣстный писатель по части нашего раскола г. Пругавинъ кончаетъ свой трудъ „Словарь старообрядчества" со временъ царя Алексѣя Михайловича до вступленія на престолъ Императора Александра Александровича. Въ этомъ словарѣ будутъ два отдѣла, богословскій и полемическій. По слухамъ, къ печатанію этого словаря будетъ приступлено нынѣшнею осенью.

— 12-го сентября, вслѣдствіе неосторожнаго обращенія одного рабочаго съ лампой, произошелъ пожаръ въ типографіи газеты „Новости".

БИБЛІОГРАФІЯ.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій: его отправка въ Сибирь и пребываніе въ Омскѣ, 1850—1854 гг.

Въ сентябрской книгѣ «Русской Старины» подъ этимъ заглавіемъ помѣщено письмо Ѳ. М. Достоевскаго къ его брату Мих. Мих. Достоевскому отъ 22-го февраля 1854 года, съ содержаніемъ котораго мы считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей. Большая часть этого письма посвящена разспросамъ и заботамъ о родныхъ и знакомыхъ, укоризнамъ за молчаніе и очевидное забвеніе его и воспоминаніямъ о выѣздѣ изъ Петербурга. Одновременно съ нимъ были высланы друзья его: Дуровъ и Ястржембскій. Дорога была чрезвычайно утомительна и морозы ужасные. «Грустная была минута переѣзда черезъ Уралъ. Лошади и кибитки завязли въ сугробахъ. Была мятель. Мы вышли изъ повозокъ, это было ночью, и стоя ожидали, покамѣстъ вытащатъ повозки. Кругомъ снѣгъ, мятель; граница Европы, впереди Сибирь и таинственная судьба въ ней, назади все прошедшее—грустно было и меня прошибли слезы».

11-го января 1850 года, они пріѣхали въ Тобольскъ; по поводу Тобольска Достоевскій говоритъ: «Участіе и живѣйшая симпатія почти цѣлымъ счастіемъ наградили насъ. Ссыльные стараго времени (т. е. не они, а жены ихъ) заботились о насъ, какъ о роднѣ. Что за чудныя души, испытанныя 25-тилѣтнимъ горемъ и самоотверженіемъ! Мы видѣли ихъ мелькомъ, ибо насъ держали строго. Но они прислали намъ пищу, одежду, утѣшали и ободряли насъ». Послѣ шестидневнаго пребыванія въ Тобольскѣ, отправились они въ Омскъ. Вотъ какія свѣдѣнія даетъ Достоевскій о своемъ начальникѣ: «Еще въ Тобольскѣ я узналъ о будущемъ непосредственномъ начальникѣ нашемъ. Комендантъ былъ человѣкъ очень порядочный, но плацъ-маіоръ Кривцовъ—каналья, какихъ мало, мелкій варваръ, сутяга, пьяница, все, что только можно представить отвратительнаго. Началось съ того, что онъ насъ обоихъ, меня и Дурова, обругалъ дураками за наше дѣло и обѣщался при первомъ проступкѣ наказывать насъ тѣлесно. Онъ уже два года былъ плацъ-маіоромъ и дѣлалъ ужаснѣйшія несправедливости. Чрезъ два года онъ попалъ подъ судъ. Меня богъ отъ него избавилъ. Онъ наѣзжалъ всегда пьяный (трезвымъ я его не видѣлъ), придирался къ трезвому арестанту и дралъ его подъ предлогомъ, что тотъ пьянъ какъ стелька. Другой разъ, при посѣщеніи ночью, за то, что человѣкъ спитъ не на правомъ боку, за то, что вскрикиваетъ или бредитъ ночью, за все, что только влѣзетъ въ его пьяную голову. Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ надо было безвредно прожить, и этотъ-то человѣкъ писалъ рапорты и подавалъ аттестаціи о насъ каждый мѣсяцъ въ Петербургъ».

«Съ каторжнымъ народомъ я познакомился еще въ Тобольскѣ и здѣсь въ Омскѣ расположился прожить съ нимъ четыре года. Это народъ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть къ дворянамъ превосходитъ всѣ предѣлы, и потому насъ, дворянъ, встрѣтили они враждебно и съ злобной радостью о нашемъ горѣ. Они бы насъ съѣли, если бы имъ дали».

Четыре года прожилъ онъ въ обществѣ подобныхъ людей, всѣми силами преслѣдовавшихъ его и его товарищей, въ омскомъ острогѣ, откуда выходилъ только на работу. Условія жизни, помѣщеніе, одежда, пища, обстановка описываются имъ въ самыхъ ужасныхъ краскахъ. Безъ своихъ денегъ почти невозможно было существовать; о мучительномъ нравственномъ состояніи нечего и говорить. «Прибавь ко всѣмъ этимъ пріятностямъ почти невозможность имѣть книгу, что достанешь, то читать украдкой, вѣчную вражду и ссору кругомъ себя, брань, крикъ, шумъ, гамъ, всегда подъ конвоемъ, никогда одинъ, и эти четыре года безъ перемѣны—право можно простить, если скажешь, что было худо. Кромѣ того, всегда висящая на носу отвѣтственность, кандалы и полное стѣсненіе духа—и вотъ образъ моего житья-бытья».

По поводу самаго города, въ которомъ онъ жилъ, онъ сообщаетъ свое заключеніе: «Омскъ гадкій городишка. Деревьевъ почти нѣтъ. Лѣтомъ зной и вѣтеръ съ пескомъ, зимой буранъ. Природы я не видалъ. Городишка грязный, военный и развратный въ высшей степени. Я говорю про черный народъ. Еслибъ не нашелъ здѣсь людей, я бы погибъ совершенно».

Письмо это было писано Достоевскимъ въ то время, когда срокъ его каторги былъ оконченъ; онъ былъ зачисленъ въ рядовые и долженъ былъ отправиться на мѣсто командировки въ Семипалатинскъ, почему онъ и прилагалъ брату свой новый адресъ: въ Семипалатинскъ, сибирскаго линейнаго № 7-го баталіона рядовому. Онъ просилъ брата присылать ему денегъ, книгъ, увѣряя его, что «небезплодно пройдутъ эти годы». «Что истратишь на меня—не пропадетъ. Ты не ограбишь своихъ дѣтей, если дашь мнѣ. Если только буду живъ, то имъ съ лихвой возвращу. Вѣдь позволятъ же мнѣ печатать лѣтъ черезъ шесть, а можетъ быть и раньше. Вѣдь многое можетъ перемѣниться, а я теперь вздору не напишу. Услышишь обо мнѣ».

Въ свое скорое возвращеніе онъ вполнѣ вѣрилъ, предвидѣлъ свою будущность и боялся только «людей и произвола». Впрочемъ, мрачныя его умозаключенія видимо мѣняются, такъ какъ утѣшеніемъ и успокоеніемъ ему начинаетъ служить размышленіе о томъ, что «люди вездѣ люди. И въ каторгѣ между разбойниками я въ 4 года отличилъ, наконецъ, людей. Повѣришь ли, есть характеры глубокіе, сильные, прекрасные, и какъ весело было подъ грубой корой отыскать золото. Иныхъ нельзя не уважать, другіе рѣшительно прекрасны». Воспоминанія свои о жизни съ этими людьми онъ заключаетъ слѣдующими строками: «Вообще время для меня не потеряно. Если я узналъ не Россію, такъ народъ русскій хорошо, и такъ хорошо, какъ можетъ быть немногіе знаютъ его. Ну, это мое маленькое самолюбіе! Надѣюсь простительно».

Не смотря на интересъ, представляемый этимъ письмомъ, мы бы не желали ограничиваться такими краткими свѣдѣніями, а желали бы имѣть возможность собрать болѣе подробностей относительно пребыванія этого знаменитаго писателя въ Сибири. Предполагая, что найдется много старожиловъ, хорошо помнящихъ его, мы усердно просимъ ихъ подѣлиться съ нами своими свѣдѣніями, такъ какъ воспоминанія о такихъ людяхъ, какъ Достоевскій, представляютъ громадный интересъ и должны составлять общее достояніе.

С.-Петербургъ. Типографія И. Н. Скороходова, Надеждинская, д. № 39. Редакторъ-издатель Н. Ядринцевъ.